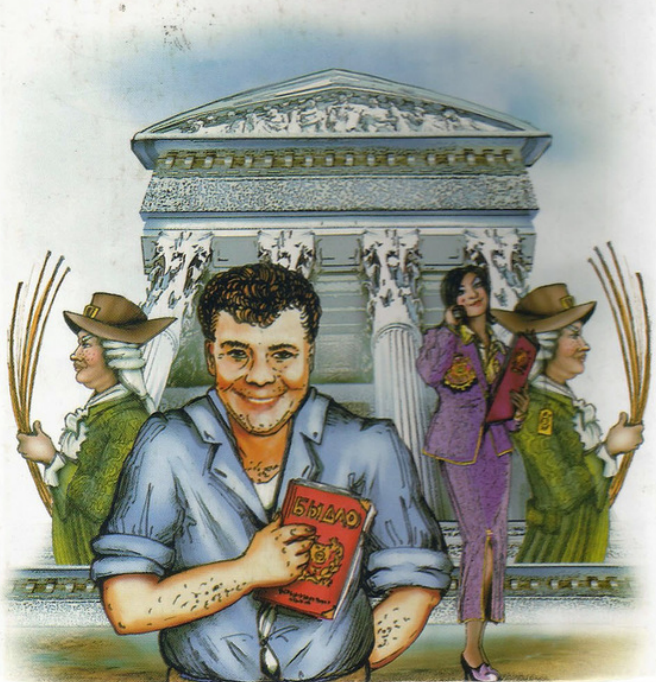
Андрей

АНИСИМОВ

Алый Чиж



Андрей Юрьевич Анисимов
Алый чиж (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
Алый чиж (сборник):

Аннотация

Андрей Анисимов открывает читателям новую грань своего таланта. Провинциальный городишко Хрюхрюпинск внезапно обращается из грязной дыры в истинно утопический рай – без пьянства, драк и казнокрадства… В чем секрет «Хрюхрюпинского чуда»?Судириус, бедный, но гордый поэт мышиного племени, заводит неожиданную дружбу с котом-уголовником Василием… Каков результат подобного альянса?! Нищий российский ученый Воропаев, посвятивший всю свою жизнь охоте за полулегендарным Алым Чижом, внезапно получает таинственную командировку во Францию… Мечта наяву – или кошмар наяву?! Читайте озорные, ироничные повести и рассказы, в которых реальность и воображение переплетаются в причудливую фантасмагорию!

Содержание

Повести 4
Хрюхрюпинские конюшни 4
Чердак с видом на звезды 49
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Алый чиж (сборник)

Повести

Хрюхрюпинские конюшни

Дыркин махом влил в себя полстакана виски, высморкался в занавеску и вышел из номера.

– Баста! Завтра домой. Хватит. Три года среди немчуры отмаялся. Пускай немчура народ культурный, но на кой хрен мне их культура. Русского человека им в жисть не понять. Матюгнешься в разговоре, так, для смачности, мол, мать вашу… А он спрашивает удивленно: «Вы знакомы с моей мутер?» Тупицы.

В холле отеля Гаврила Михеич купил пачку сигарет, застегнул ширинку и вышел на улицу. Контора Аэрофлота занимала две комнаты особнячка в самом конце улицы. Молодая женщина за стеклом кассы тяжело вдалбливала на дурном английском языке что-то упитанному господину в шортах. Женщину звали Светой Хохловой. Дыркин пару раз пытался к ней приклеиться, но без пользы. Замужняя Света лирикой не интересовалась. Она копила на квартиру в Ростове и боялась потерять место. Увидев Дыркина, Света с отчаянием в глазах спросила:

– Ну как ему объяснить, что Ленинграда теперь нет, а область есть? Ему надо в областной город. Не верит, что билет надо брать до Петербурга.

– Пошли его на хер и все дела, – посоветовал Дыркин, ковыряя в носу. Света покраснела. Советом Гаврилы Михеича не воспользовалась, но, видно, все же совет помог, поскольку она быстро нашла нужные слова, и гражданин в шортах согласился на билет до Петербурга.

– Все, Светка! Завтра домой. Подыщи мне билетик поближе к моему Хрюхрюпинску. Кончил немецкую каторгу. Скоро дома погуляю. С корешами встречусь. Оттянусь от души. Уж попью нашей водочки.

– Вы родом из Хрюхрюпинска? – с интересом в голосе спросила Света.

– А ты чего, бывала у нас? Хрюхрюпинск не каждый знает, – удивился вопросу Дыркин.

– Хрюхрюпинск теперь весь мир знает, – серьезно сообщила девушка. – С ним из Дюссельдорфа прямая линия открыта.

– Ни хрена себе! – вытаращил глаза Дыркин. – Во дают!

– С Хрюхрюпинском авиалиниями связаны все европейские столицы и один рейс прямо из Америки, а один из Токио.

Покинув контору Аэрофлота с билетом Дюссельдорф-Хрюхрюпинск, Дыркин свободной рукой зажал одну ноздрю, а из другой ловко метнул соплю на вылизанный

немецкий асфальт. Затем достал платок, аккуратно вытер руку и вернулся в отель. Известие о прямой линии между Дюссельдорфом и родным городом Гаврилу Михеича сильно озадачило. Состояние воздушного флота Хрюхрюпинска Дыркин знал. В километре от города, возле деревни Жопловка базировались три кукурузника. Один аэросъемочный, другой санитарный, а третий – отравитель. Жопловцы прозвали самолетное место Кочкодромом, потому что поле возникло на месте осушенного болота. Болото осушили, но кочки остались. Из трех кукурузников в воздух мог подняться один – отравитель. Летал он нечасто. О таком событии в Жопловке долго говорили, а в день вылета на поле высыпала вся деревня. Народ желал глядеть, как самолет станет прыгать по кочкам. После взлета не расходились, ожидая посадки. Приземлившись, кукурузник скакал, как кузнечик, пока не замирал, уткнувшись в последнюю кочку. Детвора бежала глядеть, жив ли летчик? Взрослые дожидались поодаль. Наконец, потирая ушибы, летчик медленно вылезал, но от машины не отходил. Ждал угощения. Без стакана самогона и жмени кислой капусты пилота не отпускали. Жопловцы ценили зрелище и умели за него благодарить.

Два других кукурузника не взлетали никогда. Аэросъемочный по причине заводского брака в тягах руля, санитарный ржавел с разобранным двигателем. Кореш Гаврилы Михеича Дыркина, ветеринар по диплому Соменко, служил в должности врача скорой помощи и имел приписанный само-

лет. За медлительный характер и склонность ко сну дошлый жопловский народ переиначил Соменко в Сома. Его летчик Тимоха несколько лет вел ремонтные работы двигателя. Двигатель валялся рядом на траве. Для его промывки Тимоха выписывал спирт. Сом эти требования охотно подписывал. Полученный спирт пропивали тут же в поле, на свежем воздухе. Самолет за время ремонтных работ обветшал, и ставить на него двигатель смысла не стало. Когда промывочный спирт заканчивался, Сом нехотя принимал вызовы из соседних деревень, где от клеверов часто болели телки.

Поселяне норовили загнать свою скотину в казенные клевера или овсы. Скотина объедалась, пухла и болела. Сом людей лечил с опаской, скотина была гораздо понятнее. Денег Сом не брал. Расплачивались поселяне с ветеринаром натурально: самогоном и закусью. Поэтому у санитарной бригады в составе летчика Тимохи и врача скорой помощи Соменко происходил вечный праздник.

При наступлении душевной тоскливости Гаврила Михеич Дыркин выкатывал из сарая велик сестры Лидки и за двадцать минут ножной работы прибывал на Кочкодром. В кругу друзей тоскливость быстро изгонялась. А тосковал Дыркин часто. Жизнь как-то не заладилась. Жена за измену выгнала из дома. Измена произошла вовсе не намеренно. Придя домой не совсем трезвым, Дыркин перепутал подругу с женой не заметив разницы. Довод о сходстве женщин не помог. Хотя ради объективности стоит заметить, что все

хрюхрюпинские женщины имели удивительное между собой сходство. Но жена затеяла скандал с воплями и битьем стекла. Из дому пришлось бежать. Скитался по родне.

На счастье, в родственниках у Дыркина числилось полгорода. Больше всех жалела брата сестра Лидка. Муж Лидки Санек ходил в корешах Гаврилы Михеича со времен школьной юности и против родственника не возражал. Другой свояк Федя Мымрин вышел в шишки и пристроил Дыркина инструктором в райком партии.

Два года работы в райкоме стали самыми светлыми в жизни Гаврилы Михеича. Дыркин почувствовал себя человеком. Куда ни придешь, везде уважение… Везде стакан поднесут. Но на беду Советы развалились. Уважение прекратилось. Выпить больше никто не предлагал. Один Сом на Кочкодроме без отказа.

Частенько посещая друзей на Кочкодроме, Дыркин имел полное представление о лётной жизни хрюхрюпинских авиаторов. Единственный летающий кукурузник встал на прикол после того случая, когда Славка Пискунов, брызгая отраву, не рассчитал ветер и посыпал химикаты на родильный дом. После небесной потравы роженицы долго ходили с распухшими рожами и отказывались выдавать приплод. Славку затаскали по судам. Чем дело закончилось, Дыркин не знал. Он уехал.

Свояк Мымрин из партийных шишек заделался генеральным директором совместной с германцами фирмы. Мымрин

перевел добрую часть городской казны на свой счет, завел в Дюссельдорфе офис и прихватил с собой Гаврилу Михеича в качестве своего человека для разных поручений и собутыльничества. Неделю назад Интерпол арестовал Мымрина за посредничество в продаже ворованных легковушек. Фирма перестала существовать, что дало Гавриле Михеичу возможность покинуть ненавистных германцев и вернуться домой.

Дыркин паковал багаж, пытаясь создать два места, чтобы унести в двух руках. Это ему не удавалось. В саквояж не умещалось ворованное гостиничное полотенце, две упаковки туалетной бумаги, фарфоровая пепельница с вензелем отеля и толстая телефонная книга города Дюссельдорфа. Книгу можно было и не брать, поскольку звонить из Хрюхрюпинска в Дюссельдорф Дыркин не собирался. Но не упереть такую красивую вещь Гаврила Михеич тоже не мог. В номере и так оставалось много хорошего. Взять хотя бы лампу возле кровати. Но прихватить лампу, оставив немцу свое исподнее белье, Дыркин не хотел.

И большая плюшевая горилла создавала проблему. Примата Гаврила Михеич приобрел в подарок Серафиме. Игрушка приманила Дыркина весело торчащим розовым членом из пружинистой синтетики. Серафиму Дыркин три года не видел и скопил чувства. Подарком Гаврила Михеич намеревался загладить мизер почтового внимания даме сердца. Писать письма Гаврила Михеич не умел, поэтому пере-

дал Серафиме с заезжим хрюхрюпинцем сережки с индийскими голубыми камешками. Хрюхрюпинец Серафиму навестил, сережки передал от своего имени, после чего имел с Серафимой интимную близость. Дыркин до отъезда встречался с Серафимой один раз на пикнике под Жопловкой, где вдрызг упился. Жалостливая Серафима притащила его к себе домой, отмыла и уложила спать. Проснувшись, Дыркин мучительно вспоминал, насколько сблизила его и Серафиму совместно проведенная ночь. Припомнить не смог, а спросить напрямую застеснялся. Эта загадочная неясность долго томила Дыркина в Дюссельдорфе. Томление постепенно переросло в чувство, а чувство в размышления о брачных узах.

– Придется гориллу оставить в пакете. Хрена с два она в чемодан влезет. А влезет, так помнешь или член сломается. А без члена от нее куража нет, – резонно заключил Гаврила Михеич, оставляя плюшевую обезьяну в автономном пакете.

Но самой неудобной поклажей для путешествия оказалась громоздкая тяжелая коробка с чудом современного западного бытового прогресса – посудомоечной машиной «Жизель». Зачем Дыркину, не обладавшему не только кухней, но и собственным жильем, этот агрегат, Гаврила Михеич себе путем объяснить не мог. Как можно словами объяснить мечту? Мечта овладела Дыркиным в универмаге портового города Бреста. Не надо путать наш героический Брест с ихним. Брест, где мечта овладела сердцем Гаврилы Михеича, принадлежал Французской Республике.

Послал Мымрин Дыркина в ихний Брест для того, чтобы повидать там хохла Белоножко. Повидать и передать, что он, Белоножко, козел и денег ему никто не заплатит. Добросовестно исполнив поручение, Дыркин остался весьма доволен собой, поскольку проявил инициативу. Гаврила Михеич логично рассудил, что хохол Белоножко, проделав такое большое путешествие и услышав столь короткое определение своей личности, удовлетворен не будет. Поэтому от себя добавил несколько слов и, начав с козла, дошел до таких высот оскорбительного искусства, что сам поразился. Белоножко двинулся было на Дыркина с кулаками, но тот юркнул в двухэтажный универмаг и был таков. Долго опасаясь потом выходить на улицу, Дыркин топтался по этажам, где и набрел на чудо-машину. Как увидел, так и замер. Зловещая цена еще больше раззадорила. Дыркин представил, как он запустит «Жизель» перед пораженными хрюхрюпинцами, и вытащил бумажник.

За три года заграничной жизни Дыркин давно перестал удивляться иноземным чудесам. Давно не поражала его чистота улиц с отсутствием вонючих, сдобренных коровьей мочой, луж. Не изумляли газоны вместо хрюхрюпинских крапивников и лопухов перед домами. Поначалу Гаврилу Михеича озадачило отсутствие алкашей перед магазинами со спиртным. Но скоро Дыркин понял, что алкаши имеются. Только они на вид благообразнее, тише и не хлещут из горла на скамейках, а культурно балдеют по маленьким кафе и

барчикам. Вот только кухонный комбайн для мытья посуды поразил воображение.

Покончив с багажом, Дыркин допил виски, улегся не раздеваясь, в ботинках, на хрустящий крахмал постельного белья, злым взглядом обвел напоследок номер – нельзя ли еще чего спереть – и, заплетающимся языком обругав на ночь постылых германцев, отошел ко сну.

Пунктуально заглянув в пять часов утра в апартамент русского, чтобы разбудить его к раннему авиарейсу, коридорный Ганс с удивлением обнаружил гостя, храпящего в одном башмаке на постели. Другой башмак Дыркин ночью снял и теперь держал на подушке рядом с небритой щекой. После того как его шефа, Федю Мымрина, Интерпол перевел из офиса в камеру, Гаврила Михеич посчитал себя свободным от ритуалов личной гигиены.

В такси Дыркин икал и отхаркивался в приоткрытое окно. Рот и глотку пересушило. Хотелось сказать что-нибудь матерное, но сознание, что водитель такси не поймет его, Дыркина, в этот болезненный для организма утренний час, порыв остановило.

Наконец тягомотина, предшествующая посадке пассажира в самолет, осталась позади, и Дыркин, устроившись в кресле «Боинга», поманил пальцем стюардессу с бутылочной тележкой и залпом проглотил сто граммов халявного виски. Опохмелившись, замер, ожидая реакции. В голове полегчало. Гаврила Михеич расплылся в идиотской улыбке и

огляделся. Он искал знакомые хрюхрюпинские лица.

Хрюхрюпинцев Дыркин не углядел. Кого-кого, а земляка он мигом приметит. Гаврила Михеич не слыл философом, но размышлять и делать выводы любил. Своих он делил на категории. Три у мужчин и три у женщин. Первая мужская категория – алкаши. Представители этого самого многочисленного и понятного Дыркину вида узнавались по выражению лица. По трезвости виноватому, при градусе – либо угрюмому, либо бестолково озорному, либо слезно умиленному. Вторая категория хрюхрюпинских мужей объединяла мелких и средних начальников. Их Дыркин узнавал по красной роже, перекошенному ошейнику-удавке – галстуку и темному, дурно сшитому костюму с приспущенными на башмаки портами. Если алкаш подворовывал, чтобы выпить, начальственный хрюхрюпинец воровал, чтоб воровать. К третьей категории относились хозяева. Те сидели по кабинетам и старались сохранить и преумножить наворованное раньше. Обычно хозяева были пришлые и направлялись в город на понижение.

Женский пол Дыркин также поделил на три категории. К первой, прозванной мамашами, относились пожилые хрюхрюпинки. Они щеголяли по городу в опорках и полинявших ситцевых платьях летом. Зимой вместо сапог обрезались валенки, на них сверху напяливались калоши или те же резиновые обрезки сапог. В дополнение к платьям к зиме мамаши утеплялись фуфайками – так хрюхрюпинцы называли

телогрейки – и повязывались платками. Мамаши нянчили детей, штопали одежду. Разносили по городу страшные истории, в которых евреи ели детей и пили христианскую кровь. А в остальное время болтались под ногами тех, кто помоложе, изрядно мешая тем исполнять бытовые обязанности.

Следующую категорию Дыркин обозвал несушками. Несушки тянули на себе основную жизненную ношу. С раннего утра они, выставив добротные задницы к небу, полоскали в Падловке белье и платье, отчего и то и другое быстро принимало оттенок детской неожиданности. Поэтому данный колер определял цветовую хрюхрюпинскую гамму. Затем несушки отправлялись на работу, где мостили дороги, шили, бряцали счетами, создавая весь тот государственный порядок, который наблюдался в Хрюхрюпинске. После работы несушки перли из магазинов хлеб и продукты, пололи свои огороды, готовили пищу, состоявшую из щей и картохи. Щами несушки звали любое жидкое блюдо в независимости от содержимого. К ночи лупили своих хмельных мужей, а угомонившись на скрипучих кроватях, терпеливо ожидали, пока эти самые мужья, утомленные пьянством и бессмысленной работой, донесут до заветного места семя новой хрюхрюпинской жизни.

Третья категория получила у Дыркина название молодки. Эти тоже днем ходили в рубище и опорках, а к вечеру напяливали джинсы или ультракороткие юбочки, которые в сидячем положении заманчиво демонстрировали исподний

трикотаж, втискивали крупные ступни в туфли на каблуках, мазали тушью по бокам носа два знойных персидских глаза и, лузгая семечки, отправлялись на хрюхрюпинскую дискотеку, по дороге похотливо стреляя глазками на проходящих парней. Молодок хрюхрюпинские парни старались забрюхатить, а затем смыться, чтобы избежать супружеского счастья. Молодки, со своей стороны, шли на все хитрости и уловки, чтобы это счастье парням составить и как можно быстрее перейти в категорию несушек.

Оглядывая пассажиров салона, ни одной из указанных категорий Дыркин не приметил. В креслах сидели подтянутые мужчины, по-деловому кокетливые, ухоженные женщины. Одни чужеземцы – грустно констатировал Гаврила Михеич. Уже без всякой надежды кинул взгляд на пассажира через проход и, увидев холеного господина с газетой, хотел отвернуться, но вдруг остановил глаз на названии. Пассажир читал «Хрюхрюпинский Вестник». Дыркину сделалось не по себе. Он почуял что-то неладное. Такой газеты при Дыркине в городе не водилось. Раньше издавали «Путь Ильича». При демократах «Ильича» сократили. Газета стала выходить с емким названием «Путь».

Первый удар Гаврила Михеич перенес, когда подтвердилась информация о прямой авиалинии. Если «Кочкодром» под Жопловкой за три года превратился в аэропорт международного класса, значит, тут нечисто. А теперь еще «Хрюхрюпинский Вестник». Дыркин не был лишен воображения

и без труда мог бы поверить гибели половины населения города по причине отравления самодельным «Кристаллом». Без удивления принял бы новость, что мост через реку Падловку обвалился и утопил пару самосвалов и тракториста, наконец, воспринял бы как должное весть, что одна из беззубых хрюхрюпинских мамаш на седьмом десятке выродила негра. Но международный аэропорт в Жопловке?

Еще раз взглянув на газету, Дыркин заерзал в кресле. Когда, покончив с чтением, сосед принялся сворачивать страницы, Гаврила Михеич набрался духу и попросил:

– Не дашь почитать?

Белозубая улыбка осветила лик холеного господина.

– Будьте любезны, конечно, возьмите! Какие могут быть тут разговоры! Приятно сделать такое пустяковое одолжение земляку.

И сосед протянул Дыркину «Хрюхрюпинский Вестник», галантно приподнявшись с кресла.

«Во, бля, загнул! – подумал Дыркин, принимая листок. – Говорит, земляк. Значит, наш, хрюхрюпинец, а чешет, как на приеме в ООН».

– Давай сюда, чего там трепаться, – промычал Дыркин и уткнулся в газету.

– Не стоит благодарности, – ответил сосед, продолжая скалить пасть и усаживаясь на место. – Я, знаете ли, только неделю на чужбине. А уже устал от этого европейского хамства. Везде норовят облапошить, впихивают дрянь, и фальшивая

улыбка в придачу. Соскучился по дому. Что ни говорите, а приятно жить в таком бонтонном городе, как наш Хрюхрюпинск. Все-таки хорошие манеры – это часть комфорта.

– Ммммда, – промычал Дыркин, уткнувшись в газету.

Гаврила Михеич читал и ничего не мог понять. В статье под заглавием «Красота природы в наших руках» печаталось интервью с японским ихтиологом, награжденным орденом «Гость Хрюхрюпинска». Этой чести японец удостоен за разведение золотых рыбок в реке Падловке. Теперь горожане могут, гуляя по набережной, кормить рыбок специальным кормом. Корм выпускает дрожжевая фабрика из своих отходов, и он продается тут же на набережной. Дыркин сколько себя помнил, в Падловке рыбы не водилось. И вообще, назвать зловонную жидкость, текущую в реке, водой мог человек с извращенным воображением. Недаром несушки, полоскавшие свою стирку в Падловке, ходили в одинаковых платьях цвета детской неожиданности и спали на таком же белье.

В интервью японец благодарил хрюхрюпинцев за необычайно высокую экологическую культуру и содействие в его работе. Золотыми рыбками в естественном водоеме, по его словам, съедутся любоваться туристы со всего света.

Дальше Дыркин вычитал о том, что Хрюхрюпинск выдвинут городом следующих летних олимпийских игр.

– Хреновина какая-то! – вслух сказал себе Дыркин.

Холеный сосед, пристально наблюдавший за Дыркиным,

наконец не выдержал:

– Вы меня ради Бога извините. Боюсь показаться навязчивым, но не могу не спросить: вы давно путешествуете вне дома?

– Три года по контракту отбыл.

– Три года? Вы уехали до Указа? – участливо спросил сосед.

– До какого Указа? – буркнул Дыркин, продолжая знакомство с удивительной информацией «Хрюхрюпинского Вестника».

– Так вы ничего не знаете? Боюсь, тогда вас ждет много сюрпризов, – задумчиво произнес сосед, отворачиваясь.

Дыркин отложил газету.

– Ты, бля, не темни. Давай по стакану виски вмажем, и расскажи путем. – Дыркин поманил пальцем стюардессу с халявными напитками.

– Что вы?! Я на этой неделе уже себе позволил. Знаете, переговоры… Пришлось сто граммов французского коньяка в знак завершения сделки. Больше не могу.

– Ты что, больной? – удивился Дыркин. – А я если трезвым прилечу, меня ребята не поймут… – Дыркин налил себе добрую часть стакана знакомого виски и залпом выпил, потом закусил орешком и, крякнув, изрек: – Не люблю мешать сивухи. А эта нормальная. Я к вискам за три года попривык. Вдаряет не сразу, но зато помягче… Закуси не требует.

– Я вам не советую больше пить. Запах. В аэропорту могут

случиться осложнения, – тихо предупредил сосед.

– Так я не за рулем. Я на такси к сестре. Она в центре живет, от Жопловки двадцать минут великом, а на такси пять минут всех дел… – Дыркин протянул газету. – Хренота одна. Я никак не вникну. Дома сам разберусь…

– Я вас предупредил. Дальше дело ваше. Мне будет очень грустно, если у вас возникнут проблемы. – Сосед взял газету и больше в сторону Дыркина не смотрел.

Посадку «Боинг» совершил мягкую. Дыркин не ощутил толчков от кочек жопловского болота и облегченно вздохнул. Похоже, умудрились полосу проложить. Сел как по маслу. Лайнер подкатил к самому зданию. Крытый трап вел пассажиров прямо в помещение.

Таможенник в зеленоватой униформе с вензелем на кепи из двух витиеватых буквиц «Х» на мечту Дыркина в тяжелой коробке внимания не обратил. Таможенник долго вертел в руках подарочную гориллу с пружинистым синтетическим членом:

– Странная вещь… – раздумчиво произнес таможенник.

– Бабе в подарок везу, – ухмыльнулся Дыркин.

– Пошловатая вещица, – продолжал таможенник, оглядывая игрушку.

– Что, хороша? Хрен как настоящий, – расплылся в улыбке Гаврила Михеич.

– Вы, я вижу, давно в нашем городе не были? – спросил таможенник, листая заграничный паспорт Дыркина.

– Три года в командировке, – продолжал лыбиться Дыркин.

– Вижу, – произнес таможенник, убирая в коробку паспорт вместе с гориллой. – Эти вещи я вам сейчас, Гаврила Михеич, вернуть не могу. Вы зайдете за ними завтра в отдел культуры Хрюхрюпинска. Отдел культуры находится в Хлевном проезде, двенадцать. Это бывшая улица Дзержинского. Теперь мы вернули ей исконное название. Там на втором этаже в тринадцатом кабинете вам все объяснят.

– Как же я к бабе без подарка? – возразил удивленный Дыркин. – Паспорт – хрен с ним. Пока за границу не собираюсь. Но сам посуди, как к бабе и без подарка?

– Ничего. Ваша дама ждала вас три года. Может подождать и еще один день, – говорил таможенник, а сам что-то быстро вписывал в бумажку. – Вот вам листок приезжего. Завтра предъявите его в кабинете. С прибытием вас в Хрюхрюпинск. – Таможенник всучил Дыркину маленький квиток, улыбнулся дежурной улыбкой и перешел к следующему пассажиру.

Озадаченный Гаврила Михеич направился к выходу. В стеклянной вертушке дверей он получил неожиданную заминку. Мужчина никак не хотел выйти первым, все время пытаясь пропустить Дыркина вперед:

– Я вас моложе и выйду только после вас, – твердил он.

На площади Дыркин огляделся. Справа парковались частные машины. Посередине красными тюльпанами пылала

клумба. По центру клумбы искрил струями на солнце небольшой фонтан. Глядя на сверкающие брызги, Дыркин понял, что давно пора отлить. Повертев головой, слева от входа в здание аэровокзала обнаружил кабину банкомата. Еще раз огляделся, поставил перед кабиной коробку с кухонным комбайном, вошел, прикрыл за собой дверь и с удовольствием помочился. Затем снова вышел на площадь, взял коробку. После того, как таможенник отобрал у него горилллу, Дыркину для багажа хватало рук. Он побрел по площади в поиске стоянки такси. Обошел площадь два раза и, не обнаружив ничего, решил спросить. Но люди, попадавшиеся на пути, смахивали на иностранцев, и обратиться к ним Гаврила Михеич не решился.

Отмахав без всякого результата вдоль площади еще два раза, Дыркин поставил коробку на землю и без сил уселся на нее. Тут же к нему подошел милиционер в новенькой парадной форме:

– У гостя нашего города возникли проблемы? – спросил милиционер и оскалил два ряда ослепительных зубов.

– Не могу такси найти, – ответил Дыркин.

– Такси вызывают по таксофону из здания вокзала. Но я с удовольствием вам помогу. – Милиционер извлек из кармана мобильный телефон и сказал несколько слов в трубку. Затем снова улыбнулся Дыркину: – Сейчас машина будет. Приятного знакомства с нашим городом. Добро пожаловать в Хрюхрюпинск.

– Я, бля, в этом Хрюхрюпинске родился и каждого алкаша знаю, – ответил Дыркин, глядя на подъезжающую машину.

Милиционер с ног до головы оглядел Дыркина и, придерживая дверцу прибывшего такси, спросил:

– Вам в службе прилета квиток для отдела культуры выдали?

Дыркин порылся в карманах и извлек квиток:

– По этой бумажке мне гориллу должны там вернуть…

– Очень хорошо, – улыбнулся милиционер. – Дайте я тут вам припишу. – И, положив квиток Дыркина на крышу машины, что-то там быстро вписал. – Теперь доброго пути.

Дыркин пристроил в багажник коробку с комбайном, плюхнулся на сиденье и, вместо адреса, воскликнул:

– Бля, стоило человеку на три года отлучиться, все не так! Родного города не узнаю…

– Вы уроженец Хрюхрюпинска? – поинтересовался седой водитель в форменном кепи и ливрейном костюме.

Дыркин только теперь разглядел шофера и присвистнул:

– Ишь, вырядился! Ты что, свадьбу сегодня возишь?

– Вы интересуетесь моим костюмом? Нет, это обычная рабочая одежда хрюхрюпинского таксиста. Без униформы нас на линию не выпускают.

– Во дают! – разинул рот Дыркин. – Ладно, вези на Кучмаревку. Тут через Жопловку пять минут.

– Должен вам заметить, что деревни с таким названием теперь уже нет. Вам дали квиток в отделе прилета? – спросил

таксист, включая зажигание.

– Тебе зачем? – удивился Дыркин.

– Я должен там сделать отметку. Без этого, к сожалению, я с места тронуться не смогу, – вежливо, но строго заявил водитель.

– На, отмечай, – Дыркин протянул квиток шоферу, совершенно сбитый всем происходящим с толку. Черкнув что-то на квитке, таксист тронул машину.

– Название деревни, что вы изволили произнести, отдел культуры счел неблагозвучным. Теперь этот населенный пункт именуется Нижней Спиновкой. Сейчас мы едем по ней.

Дыркин хотел съязвить по поводу нового названия Жопловки, но, выглянув в окно, разинул рот. Вдоль зеркального полотна расчерченной указателями дороги стояли коттеджи красного кирпича. На подстриженных газонах перед коттеджами сверкали разноцветной плиткой небольшие бассейны. В бассейнах резвились дети. Возле бассейнов в соломенных креслах и шезлонгах жопловцы читали газеты, завтракали и играли в домино и шашки.

– Ты мне что лапшу на уши вешаешь! – закричал Дыркин. – Я знаю Жопловку, сто раз проезжал на велике!

– Я уже имел честь, милостивый государь, заметить, что населенный пункт с названием, извините, Жопловка, переименован. Мы проезжаем деревню Нижняя Спиновка. Именно так теперь звучит название данной деревни.

Все эти сведения водитель сообщил Дыркину, натянуто улыбаясь. Машина миновала деревню. Знак на полосатом столбе разрешал скорость сто пятьдесят километров в час. Водитель прибавил газу.

– Во дает! – крякнул Дыркин. Проезжали поля. Пшеница высокая, ровная, такой Дыркин вокруг Хрюхрюпинска никогда не видел. Заметив дорожный знак с изображением лошади, запряженной в хомут с колокольцем, машина притормозила.

– Это еще что за хренотень? – удивился Дыркин. – На тягловую силу перешли? При мне тут и лошадь никто не видел лет двадцать.

– Этот знак обозначает, что мы приближаемся к городским конюшням, – кивнул таксист.

– Коняг развели? – Дыркин бестолково вращал головой, пытаясь обнаружить в дорожном пейзаже хоть одну лошадь. – Не видно лошадок… Их двадцать лет назад татарам на колбасу скормили.

– Лошадей в Хрюхрюпинском районе заведено сто двадцать голов. Они содержатся в центральной усадьбе заповедника «Падловские Истоки». На лошадях горожане в выходные дни устраивают верховые прогулки. Вам тоже предстоит научиться сидеть в седле.

Дыркин матерно выругался, затем приоткрыл окно, сплюнув сквозь зубы в жесткую струю встречного ветра и кинул из пачки в угловую часть пасти сигарету.

– Мне верхом на бабе пора посидеть. В заграницах бабы дорогие и от СПИДа не гарантируют. Мне на них валюту тратить охоты нет. – Замелькали длинные кирпичные здания без окон. Дыркин уставился на них: – Это что за силоносцы? Во дают! Силоносцы из шведского кирпича херачут!

– Это и есть хрюхрюпинские конюшни…

– Что-то не пойму я тебя, шеф? То говоришь, лошадей в заповеднике завели. Кстати, что это за «Падловские Истоки»? Я такого места у нас отродясь не слыхивал!

Конюшни закончились. Водитель прибавил скорость:

– Центральную усадьбу заповедника разбили на месте деревни Сучары.

– Сучары? Во дают! Там городская свалка. Заповедник посреди свалки устроили? – усмехнулся Дыркин. – Заповедник на свалке, это по-нашему…

– Свалку хрюхрюпинцы два с половиной года назад расчистили. На деньги, полученные за металл, собранный на свалке, и построена усадьба. Деревню, как ветхую и антисанитарного вида, снесли. Жители переселены в новый район Хрюхрюпинска. Район назвали Верхнереченским.

– Во дают! – пробурчал Дыркин. – Ладно, ты мне про конюшни поясни. Почему лошадей в Сучарах держат, а конюшни под Жопловкой построили?

– Это долго объяснять. Вот и город.

Гаврила Михеич глянул в окно и снова открыл рот. Обомлел Дыркин по причине увиденного. Раньше город со сто-

роны Жопловки начинался большой зловонной лужей красноватого цвета. Машины, чтобы не закиснуть в вонючей каше, объезжали лужу с разных сторон, образовывая новые колеи. Во время дождей колеи соединялись с лужей, с каждым годом увеличивая ее объем и глубину. В конце концов автомобилисты стали рулить в объезд. Лужа зацвела хилой осокой, развела головастиков и пиявок и превратилась в грязный пруд. Обрадовавшись новому водоему, хрюхрюпинские хозяйки из ближайших домов наловчились сливать туда нечистоты и топить ненужные и отслужившие свой срок вещи. Когда в засушливые летние времена лужа-пруд мелела, глазу открывались дырявые резиновые сапоги и опорки, остовы детских колясок и кроватей, прохудившиеся кастрюли. Кто-то даже умудрился скинуть туда ржавый кузов «запорожца». Когда же вонючая красная вода скрывала дары горожан, хрюхрюпинцы по выходным любили посидеть на берегу, выпить водочки и испечь картохи, а иногда баловались шашлыком. Поэтому бережок нового водоема вскоре покрылся битым бутылочным стеклом, ржавой консервной тарой и газетами чуть поодаль. Газетами пользовались вместо туалетной бумаги, облегчаясь невдалеке от места отдыха.

Сам Дыркин, слезая тут с велосипеда и осторожно обходя лужу по дороге на Кочкодром, часто задерживался, справляя прозаическую людскую нужду, поэтому въезд со стороны Жопловки в город ему был хорошо знаком. Понятно, что теперь Гаврила Михеич поразился. На месте лужи раскину-

лась площадь, уложенная полированными каменными плитами. Справа стекло и металл мотеля «Привет». Крытые стоянки машин, скорее смахивающие на зимний сад, чем на гараж. В глубине двухэтажный отель с крышей красной черепицы. Везде розы и тюльпаны. Слева десятиэтажный супермаркет. Сквозь витрины Дыркин успел разглядеть лестницы эскалатора.

– Притормози. Я на магазинчик погляжу. Тебе чего принести? Может, бутылку с дороги пригубим?

– На работе не пью, – ответил водитель. – Но глоток тоника или херши с удовольствием.

Гаврила Михеич осторожно раскрыл дверцу и трясущейся ногой коснулся полированной поверхности плиты. Камень был твердым и нескользким. Дыркин осмелел и сделал первый шаг в сторону супермаркета. Гаврила Михеич сразу отправился по самодвижущейся лестнице наверх, решив начать обзор с верхнего этажа. Но выскочил на втором, завидев знакомый агрегат в витрине. В отделе хозяйственных товаров за прозрачным стеклом, подсвеченный с разных сторон маленькими латунными прожекторами, красовался его комбайн – посудомоечная «Жизель». Та, что он волок в коробке из далекого французского Бреста. Быстро пересчитав рубли на доллары, Дыркин чуть не заплакал. Чудо зарубежной техники в Хрюхрюпинске стоило вполовину дешевле.

Дыркин глядел на витрину, и по его щеке покатилась скупая мужская слеза. Гаврила Михеич плакал не по денежному

убытку. Дыркин легко мог пропить последний рубль, без разницы – свой или чужой, не печалясь и не думая о завтрашнем дне. Обида, породившая слезу, возникла совершенно не от скупости. Дыркину жгла сердце досада, что заморская диковина обыденно торчит в хрюхрюпинской витрине. Как после этого он поразит земляков, запустив в работу заморский агрегат? На самом въезде в город новый Хрюхрюпинск уже успел разбить мечту Дыркина.

Кинув водителю банку «Спрайта», Гаврила Михеич обиженно устроился на заднем сиденье. Улицы, по которым медленно пробиралось такси – скорость в черте города ограничивалась знаками до пятидесяти километров в час, Гаврила Михеич не узнавал. Вроде дома те же, виденные с детства, да все не так. Все другое, не хрюхрюпинское. Во-первых, поражало обилие новых чистых автомобилей. Грузовики и самосвалы в город не допускались. Встречались небольшие фургоны неизвестной Дыркину марки. Несмотря на дневное время, машины передвигались с включенными фарами.

– Что они со светом днем херачут? – поинтересовался Гаврила Михеич.

– Машину с зажженными фарами лучше видно. Это правило снизило травматизм в городе, особенно среди детей, – ответил таксист. Ничего нового в таком порядке не было. Во многих европейских странах подобное правило давно имело место, и Дыркин это знал. Но в родном Хрюхрюпинске машины с зажженными фарами днем выглядели фантасти-

чески.

– Видите микрофургон для городского снабжения? – спросил таксист. – Эту машину делают теперь на нашем Хрюхрюпинском заводе, и ее назвали «Хрюпа». Хрюпу даже японцы для больших городов у нас закупили…

Гаврила Михеич крутил головой и думал, почему не узнает знакомые места. С детства знакомые купеческие домики превратились в маленькие замки. Восстановленная лепнина фасадов, аккуратно покрашенные рамы и чистые стекла окон делали каждый домик похожим на маленький музей.

– Что, бля, с домами сделали? Ни одного дома не узнать! – проворчал Гаврила Михеич.

– Ничего с домами не делали, – ответил водитель. – Просто отремонтировали и восстановили так, как наши деды строили. Наши русские предки понимали толк в красоте. Это мы все за два-три поколения умудрились загадить…

Но не только дома до неузнаваемости преобразили город. Дыркин видел вместо битых шершавых дорог в ямах и ухабинах прекрасный асфальт, ровные, сверкающие чистотой тротуары. Цветники и маленькие травяные газоны перед парадными. Резные двери и карнизы, восстановленные и свежеокрашенные, дополняли картину. Вот и церковь.

– Господи, неужели это наша, хрюхрюпинская! – выпучил глаза Гаврила Михеич. – Что с церковью натворили? Церковь, и ту не узнать! – Дыркин хотел матюгнуться, но, как всякий русский, подспудно верующий человек, промолчал.

– Церковь армяне восстановили. У нас умельцев не нашлось. Теперь своих выучили. Фирма реставрации архитектурных памятников Хрюхрюпинска в этом году приглашена в Венецию по контракту. Наши все могут, если захотят, – с гордостью сообщил водитель.

Раньше за церковью лежало хрюхрюпинское кладбище. Там покоились предки Дыркина. Гаврила Михеич раз в год отправлялся на кривую могилу деда Дыркина с бутылкой белого и тихо выпивал ее, оставляя четверть стакана на покосившемся холмике для предка. Через пятнадцать минут после того, как он, просветленный и с чувством исполненного долга, покачиваясь, покидал кладбище, стакан вместе с содержимым исчезал. Дыркин знал и не сердился. Он даже замечал жадные глаза, напряженно следящие из небритого овала за его поминальным пиром… Сейчас Дыркин кладбища не увидел. Исчезли тесные ограды, крашенные голубой, одной на всю Русь, краской. Не возвышалась в углу куча с вялыми цветами и жухлой бумагой искусственных венков.

– Что с кладбищем сотворили, гады!? – закричал Дыркин, переполняясь первородным гневом. Водитель не понял и затормозил:

– Как, что сотворили? Кладбище на месте.

– Не вижу! Там деда могила! Там все наши Дыркины лежали! На святое, гады, руку подняли!

Таксист не выдержал, остановил машину, вышел, взял за руку Гаврилу Михеича и повел за собой. Дыркин мычал,

упирался, но шел.

– Где могила вашего деда? – спросил водитель, продолжая тянуть Дыркина.

– За мусорной кучей пятая справа, – промычал Дыркин, уже ступив на дорожку красного песка. Вычищенные плиты и памятники с обновленными надписями оказались на своих местах. Только они тонули в свежей зелени газонной травы.

– А где заборы? – закричал Дыркин.

– А для чего заборы? – удивился таксист. – Мертвецы и так не убегут.

– Мертвецы, понятно, не убегут! Пьянь могилы без оград затопчет, – продолжал возмущаться Гаврила Михеич.

– Так в городе не скотина, а люди живут, – в свою очередь возмутился водитель. – Люди тем от скота и отличаются, что им голова дана, с глазами в придачу.

Могилу деда Дыркин с трудом обнаружил на прежнем месте. С трудом, поскольку главные ориентиры, мусорная куча и будка с лопатами, запертая всегда на висячий замок от воровства инструмента, исчезла. Да и черный чугунный крест Дыркин узнал с трудом. Его отмыли от слоев масляной голубизны, ошкурили и заново отполировали. На плите свежие золоченые буквы перечисляли имена предков Гаврилы Михеича, покоившихся тут долгие годы. Имен своих прадедов Дыркин никогда не знал и теперь обнаружил с удивлением. На отдельной табличке значилось, что род мещан Дыркиных живет на земле Хрюхрюпинска двести пятьдесят шесть лет и

славен хлебопечением и лучшими писарями города. Внутри Гаврилы Михеича что-то шевельнулось.

– Оказывается, я не такой уж перекати-поле. Двести пятьдесят шесть лет не шутка. – Раньше Дыркин о своем родословном древе никогда не задумывался. Понимал, что графами и князьями Дыркины не рождались. Эта уверенность проистекала из того, что деда не расстреляли, а отец погиб в первый день войны, бросившись в атаку с голыми руками, поскольку винтовки ему не хватило. Миро исчисление Дыркин подсознательно вел с 1917 года, стараясь глубже не внедряться. Все, что было до Советов, он воспринимал как сказку о царе Горохе…

Вернулись к машине молча. Возле такси стоял милиционер в новенькой парадной форме и широко улыбался. Слова, что произнес инспектор ГАИ, отличались от радостного выражения на его лице:

– Милостивый государь! – обратился инспектор к водителю. – Вы остановили машину в недопустимом месте. В начале улицы есть соответствующий знак. Вынужден вас огорчить, позвольте ваше хрюхрюпинское удостоверение.

Таксист порылся в ливрейном пиджаке и вынул оттуда книжицу с гербом Хрюхрюпинска. Инспектор раскрыл книжицу. Дыркин с любопытством заглянул через плечо таксиста. Он успел разглядеть только первые строки. «Хрюхрюпинское быдло», – обнаружил Дыркин золотые буквы первой строки. Инспектор заметил интерес пассажира и, что-то

вписав в удостоверение, быстро захлопнул книжицу и вернул водителю:

– Прошу продолжать движение! – улыбнулся инспектор и козырнул на прощание.

– Оштрафовал, гад? – поинтересовался Дыркин у погрустневшего водителя.

– В Хрюхрюпинске штрафов не берут. Получил десятку. Эх, все из-за вас… – пробурчал шофер. – Приехали. Вот и ваш дом.

Двухэтажный барак, где проживала сестра Дыркина Лидка, Гаврила Михеич признал по старому тополю. Тополь рос тройняшкой, и в детстве Дыркин с сестрой и другими шпанятами летал между стволов на качельной доске. Качелей теперь Дыркин не увидел, но след от веревки на коре дерева остался. Двухэтажный барак преобразился в новенький коттедж. Цельные финские окна в белых ослепительных рамах красовались вместо подслеповатых подгнивших переплетов крестиком. Пакеты и авоськи с продуктами из окон больше не висели. Дернув ручку двери, Дыркин почувствовал глухую запертость. Кнопки с номерами квартир на сложной доске домофона Дыркин заметил, но как пользоваться устройством не понимал, да и номер кода не знал. Поэтому, запустив в вычисленное окно камешек, принялся орать имя Лида на разные лады. Результатов крик не дал. И Дыркин надолго оставался бы под дверью с портфелем и коробкой, но на его счастье дверь открылась и из нее вышел элегант-

ный господин с маленькими аккуратными баками на седеющей голове, в светлом спортивном костюме и с кейсом в руках. Господин внимательно поглядел на Дыркина, затем его серьезное лицо поплыло, и вместе с улыбкой на физиономии господина появилось что-то до боли знакомое.

– Санек! – закричал вне себя от радости Гаврила Михеич. – Санек, да тебя не признать! Прямо дипломат какой-то! Вот, бля, дела! Санек! – повторил Дыркин, добавив для убедительности момента три слова, говорящих о его близости с мамой друга. Лицо мужчины после этих слов побледнело, он оглянулся по сторонам, прижал руку к груди и тихо зашипел.

– Никогда больше не говори этих слов. За мат дают больше всего.

– Санек, чего дают? Срок, что ли? Так никто не слыхал, чего ты обосрался? Тут мы одни.

Санек ничего не ответил, махнул рукой и убежал, но дверь не захлопнул, и Дыркин, постояв в недоумении, шагнул в подъезд. Поднимаясь на второй этаж, Дыркин пораженный реакцией друга на привычную матерную разговорную прибавку, не заметил удивительного мягкого света, освещавшего лестничный пролет, затухающего сзади по мере восхождения. Не заметил он и чистых крашеных стен без иллюстраций на тему полового акта. Не подивился отсутствию слов, обозначающих половые признаки особей обоего пола. Вздохнув перед дверью Лидкиной квартиры, он опустил тяжелую коробку с кухонной машиной, и нажал на звонок.

Легкие шаги за дверью означали, что в квартире кто-то есть. Дверь распахнулась, и в проеме Дыркин увидел девушку:

– Гражданин, вам кто нужен? – голос был Лидкин. Дыркин уставился на сестру, но признать не мог. Вместо крупной «несушки», а по классификации Дыркина сестра давно вошла в категорию несушек, перед ним стояла стройная молодая женщина. Так выглядели хрюхрюпинские молодки, да и то не все, а еще не достигшие полного сока по причине малолетства.

– Ой, братишка! Ты!? – закричала Лидка и бросилась Дыркину на шею. Он тупо переминался в объятьях сестры, решив, что у него окончательно поехала крыша. В беспаиятстве машинально вошел в квартиру, машинально уселся в низкое мягкое кресло, продолжая тупо разглядывать сестру.

– Чего уставился? Не признал? – залилась Лидка звонким девичьим смехом. Дыркин стал прикидывать, сколько Лидке сейчас лет. Ему сорок два. Лидка на полтора года моложе.

«Да ей сороковник в прошлом году стукнул! Ничего не понимаю!» – крутилось в голове.

– Гаврюша, да это вправду я. Похудела немного. Но это нормально. На ночь перестала жрать. Ужинаем теперь в шесть. На ночь только фрукты. В теннис три раза в неделю. По выходным верховая прогулка… Вот и все чудеса.

Зазвонил телефон. Лида взяла трубку и стала говорить на непонятном Дыркину языке. По-английски Гаврила Михеич

кое-что знал. Он мог заказать в баре напиток, купить авиабилет, и даже – ужасно коверкая времена и падежи, несколько секунд поговорить о погоде. По-немецки даже мог познакомиться с проституткой и сделать пару комплиментов. Кроме того, он научился считать по-немецки до ста. По-французски Дыркин знал поговорку «Cherchez la femme» и мог сказать спасибо. Ни по-немецки, ни по-французски, ни по-английски Лидка по телефону не говорила. Странный звук языка Гаврила Михеич раньше где-то слышал, но припомнить где не мог.

– Из Токио Носату звонил. Наш партнер по городскому озеленению, – сообщила Лидка, положив трубку. – Сейчас подбираем цвет газона на площади перед мэрией. Уже десять оттенков перепробовали. Все не то. Носату на следующей неделе новый колер везет… Ладно, что я все о себе да о себе. Расскажи, как ты в Германии работал.

– Лидка! Это ты или не ты? Ничего, бля, понять не могу! Все скурвились, город ни хрена не понять… И сестру будто подменили. Санька внизу встретил, матюгнулся от полноты чувств, так он побледнел и чуть не обделался. Объясни мне, наконец, что тут происходит.

Улыбка с лица Лиды соскользнула, в ее испуганных глазах Дыркин заметил ужас и смятение. Лида села на пол и расплакалась. Он выпучил глаза.

– Ты чего? Я чего обидное ляпнул? Но, Лид, ты и меня пойми. Прилетаю, в Жопловке аэропорт международно-

го класса. Жопловцы у бассейнов на газонах сидят. Город не признать. Дома старые, а будто вчера построены. В супермаркете кухонная машина для мойки посуды, что я из-за границы, как ишак, пер, вдвое дешевле. Я вас ихней техникой поразить хотел. Дальше слушай. Таксист в ливреях за баранкой. На кладбище оград нет. Я уж не говорю о луже перед жопловским въездом в город… Объясни ты мне Христа ради, что все это означает?

– Тебе бумажку приезжего вручили? – утирая слезы, спросила Лидка.

– Вручили.

– Покажи, – грустно попросила Лидка.

Дыркин полез в карман и протянул сестре злополучный листок. Лида глянула и снова разревелась:

– Я так и знала! Ты уже пятьдесят заработал.

– Чего заработал? – непонимающе закричал Дыркин.

– Пойдешь завтра в отдел культуры. Там тебе все объяснят. Я тебе ничего больше сказать не могу. Я нарушу этику жителя Хрюхрюпинска. Это очень тяжелый проступок. Я уже получила удостоверение Человека. Пойдем на кухню, я тебя покормлю. Проголодался с дороги, – и Лида быстро вышла из комнаты.

Дыркин молча жевал бифштекс с салатом, запивая безалкогольным пивом, и хмуро оглядывался. Посудомоечную машину он заметил сразу. Лида ловко вытащила из нее чистые тарелки и, по мере смены закусок, ставила туда испач-

канные. В комнате, где раньше стелили Дыркину, теперь располагался Лидин кабинет. На письменном столе компьютер с приставками для печати и телефон с факсом.

– Сегодня поспишь в кабинете, как раньше, а на завтра я тебе комнату приготовлю, – сказала Лида, укладывая брата.

Гаврила Михеич долго не мог заснуть. Он слышал, как вернулся Санек, привел Катю и Федора. Дыркин хотел поглядеть на племянников, но не решился встать. Лида разговаривала с мужем шепотом. Утром завтракали молча. После завтрака Санек сказал:

– Собирайся. Пора. Сейчас я отведу тебя в отдел культуры. Не забудь свой квиток. Поначалу, Гаврила, тебе придется нелегко. Зато потом всем спасибо скажешь.

Отдел культуры занимал флигель городской больницы. Санек довел Дыркина на второй этаж, постучал в тринадцатый кабинет и, запустив Гаврилу Михеича, отправился на работу. Дыркин переступил порог с опаской. Ему так никто ничего не объяснил, но Дыркин нутром чувствовал, что от посещения хрюхрюпинского отдела культуры хорошего не ждать. Каково же было его удивление, когда за столом в кресле он увидел очаровательную блондинку, вставшую к нему навстречу с ослепительной улыбкой:

– Господин Дыркин! Очень рада с вами познакомиться.

От неожиданности Гаврила Михеич тоже заулыбался и протянул руку:

– Гаврила Михеич Дыркин, – отрекомендовался он и рас-

плылся в улыбке.

– Очень приятно, господин Дыркин, – продолжала улыбаться блондинка. – Только запомните, мужчине дама подает руку первой. Меня зовут Серафима Николаевна Горячева. Садитесь, пожалуйста, сюда. Чай? Кофе? Как долетели? Можно ваш квиток приезжего?

Дыркин присел на краешек кресла. Он смотрел, не отрываясь, в лицо блондинки и не слышал, что она говорит. Конечно, не может быть сомнений! За столом сидела его Серафима. Это была она, но как изменилась! Холеные руки с маникюром, почти незаметным на первый взгляд, ловко разливали в маленькие чашечки темный напиток из кофейника. Легкий деловой костюм только подчеркивал соблазнительные женские формы. Дыркин не сразу смог отвести взгляд от загорелой женской коленки, освобожденной от ткани платья и завлекающе поблескивающей. Конечно, перед ним Серафима. Только как помолодела, похудела, прикинулась.

– Серафима, это ты? Или это не ты? – не выдержал Дыркин.

– Что вы имеете в виду? – улыбнулась девушка, лукаво взглянув на Дыркина.

– Да помнишь Кочкодром? Я же тебе в подарок гориллу привез. Только ее в аэропорту отобрали. Вот обида. Я бы тебе ее сейчас и подарил. Из Германии тащил.

– Ах, вы об этой игрушке. С нее и начнем. – Серафима встала и вышла в соседнюю комнату. Назад она вернулась,

держа в руках знакомый Дыркину пакет. – Давайте поглядим на вашу обезьянку.

Серафима извлекла гориллу и положила ее на журнальный столик рядом с кофейником. Синтетический розовый член натурально запружинил перед носом Дыркина. Тот хотел хмыкнуть. Но рядом с этой элегантной молодой хозяйкой кабинета игрушка и самому Дыркину не показалась смешной.

– Как я поняла из вашего объяснения сотруднику таможенной службы, вы привезли эту вещицу в подарок даме сердца?

– Да для тебя я гориллу притащил. Писем писать не умею. Один раз сережки с земляком передал… А теперь решил игрушку в подарок. Так, внимание. Сережки мои ты получила? – поинтересовался Дыркин.

– Сережки?

– Да, такие с голубеньким камешком. Индийские.

Серафима на секунду задумалась, потом вдруг покраснела и отвернулась.

– Мы, Гаврила Михеич, сейчас в служебном помещении. Я на работе. Давайте отложим частные разговоры. Объясните мне, что вы хотели выразить своим пошлым подарком. Какой должен быть вкус у дамы вашего сердца, чтобы ее подобное внимание могло порадовать?

– Ну, это же простая хохма. Я ничего плохого не хотел, – нерешительно сказал Дыркин в свое оправдание.

– Хорошо, закончим с обезьяной. Можете ее взять, – и Серафима спрятала игрушку в пакет.

– На хрена она мне? Для тебя вез, – обиженно пробурчал Гаврила Михеич.

– Вот вы сейчас употребили слово хрен. Простите, вы его употребили в смысле растения или как синоним грязного ругательства?

– Откуда я знаю? Хрен, он и есть хрен. Понимай, как хочешь. – «Чего привязалась», – подумал Дыркин.

– Хорошо. Я поняла. Теперь объясните, почему вы использовали кабину банкомата в аэропорту как уборную. В здании аэропорта несколько туалетов. – Теперь покраснел Дыркин. Он никак не подозревал, что его засекли.

– Ну, приспичило отлить. На площади вроде неудобно.

– А в банкомате удобно? – деловито поинтересовалась Серафима.

– Ну, конечно, лучше. Не видно… Не понимаю, как вы узнали? – искренне удивился Дыркин.

– Все помещения аэропорта под телевизионным наблюдением. Служба борьбы с терроризмом внимательно наблюдает за любым ненормальным проявлением в поведении пассажира.

– Чего тут ненормального? Человек помочился, – не понял Дыркин.

– Потом вы перед посадкой в такси употребили нецензурное слово. Находясь в машине, совершили этот просту-

пок еще несколько раз. Таким образом, заработали пятьдесят очков. Сейчас я вам выпишу удостоверение жителя Хрюхрюпинска. Любой проступок будет в него заноситься. Итак, Дыркин Гаврила Михеич. Быдло. Холост. Сорок пять лет. – Серафима раскрыла книжицу, такую книжицу Дыркин видел у таксиста и, немного высунув язык, стала старательно заполнять сведения о владельце.

– Что значит быдло? – обозлился Дыркин.

– Это значит, что вы, господин Дыркин, пока не знаете, что отличает человека от животного. Вам предстоит пройти воспитательный процесс. Если в течение года вы не наберете ни одного очка, получите другое удостоверение. Там будет написано слово гражданин. – Серафима нажала кнопку. В кабинет вошли два крепких парня в белых халатах.

– Внедрите ему воспитателя, – сказала Серафима, продолжая заполнять удостоверение.

Парни жестко схватили Дыркина за руки. Один сделал ему укол. Дыркин отключился. Он не слышал, как его на каталке отвезли в операционную, как вшили под кожу маленький аппаратик, как вернули в кабинет. Очнулся Дыркин в том же кресле, где начал разговор с Серафимой. Он открыл глаза и увидел протянутую руку с незаметным маникюром. Серафима протягивала Дыркину удостоверение жителя Хрюхрюпинска и улыбалась:

– Поздравляю вас, господин Дыркин. Теперь вы житель нашего города. Должна вам объяснить, что за вашим пове-

дением теперь днем и ночью будет наблюдать воспитатель, внедренный в ваш организм. Если вы будете вести себя достойно, с вами ничего плохого не произойдет. Но стоит вам совершить проступок, порочащий звание человека, воспитатель немедленно передаст об этом на компьютер, и тот назначит сумму очков для наказания.

Дыркин раскрыл удостоверение и прочитал: «Дыркин Гаврила Михеич. Сорок пять лет. Холост. Быдло». В нижней графе стояла маленькая приписка «Конюшня номер три» и рядом в графе «Очки» Дыркин увидел цифру пятьдесят.

– Надеюсь, вы все поняли? – улыбнулась Серафима. – Чашечку кофе на прощание.

– И что мне теперь делать? – спросил Дыркин, пытаясь осознать происходящее.

– Первым делом вам надлежит отдать городу долг. Вы задолжали пятьдесят очков. – Серафима нажала кнопку. В кабинет вошли те же два парня, но теперь в рабочих комбинезонах. – Отвезите господина на конюшню номер три. После чего доставьте по адресу проживания. – И, обращаясь к Дыркину, добавила: – Если возникнут вопросы, сотрудники отдела культуры на них ответят, – и протянула Дыркину руку. Дыркин, перед тем как ответить на рукопожатие, мучительно пытался припомнить, кто должен протягивать руку первым, дама или он… Парни крепко взяли Гаврилу Михеича под мышки и поволокли к выходу. Серафима знаком их задержала и, глядя в глаза Дыркина, тихо сказала:

– За сережки спасибо. Я не знала, что они от вас. Станете человеком, может быть, мы и встретимся. – И совсем тихо добавила: – Я тебя не забыла.

Дыркина посадили в закрытый фургон местного завода со смешным названием «Хрюпа».

– Куда мы едем? – спросил Гаврила Михеич парней, плотно сидевших рядом.

– На конюшню номер три, – ответил тот, что сидел справа.

– Зачем? – поинтересовался Дыркин.

– Там вас выпорют, – ответил парень слева.

Фургон выехал из города с той самой стороны, откуда Дыркин начал знакомство с новым Хрюхрюпинском. Не доезжая бывшей Жопловки, машина свернула к длинному зданию без окон из аккуратного мелкого шведского кирпича. На воротах табличка сухо обозначала «Конюшня номер три». Ворота автоматически раскрылись, как двери аэропорта, и фургон «Хрюпа» медленно вкатил в конюшню. Дверцу открыл солидный господин в белоснежном халате. Вглядевшись в господина, Гаврила Михеич с трудом признал в нем своего давнего кореша и собутыльника по Кочкодрому, ветеринара Соменко.

– Сом, ты? – удивленно воскликнул Дыркин.

– Меня зовут Николай Петрович Соменко. Использование кличек в обращении к людям в Хрюхрюпинске не поощряется.

Парни, придерживающие Дыркина за локотки, выдали

Соменко квиток, полученный Дыркиным в таможне по прилету, и еще одну гербовую хрюхрюпинскую бумагу. Соменко прочитал бумагу, расписался и, взглянув на Дыркина, пригласил:

– Прошу к столу.

Ребята схватили Гаврилу Меехича и поволокли в центр конюшни, к большому столу, смахивающему на пинг-понговый, но значительно ниже. Возле стола стояла высокая плетеная из прутьев корзина. Из нее, странным букетом, торчала пачка таких же прутьев.

Все остальное произошло очень быстро. Дыркину приспустили брюки, как цыпленка табака, распластали на столешнице, после чего что-то обожгло нижнюю часть спины Гаврилы Михеича. После каждого удара Соменко монотонно повторял вид проступка.

– Не мочись в банкомате. Не мочись в банкомате. – И так десять раз. Затем Соменко сменил прутья, вытер платком лоб и продолжил работу, приговаривая: – Не употребляй выражения, связанные с неуважением к своей матери и матерям знакомых и незнакомых тебе людей. – Потом, сменив прутья, снова вытер лоб платком. Следующая порция сопровождалась призывом не внедрять обозначения половых органов человека в жаргонной форме и в качестве дополнений и междометий. Десять ударов Гаврила Михеич получил за добавку слова «бля» в предложении, не имеющем отношения к продажной или развратной женщине. Еще десять за

пьянство без повода и меры. Последние десять ударов Соменко произвел молча. Они предписывались в качестве еженедельной профилактической процедуры.

Странное чувство испытал Гаврила Михеич, натягивая портки. Все время порки он выл, закатывал глаза, с трудом понимая смысл произносимых Соменко наставлений. Теперь, морщась от боли, чувствовал не только облегчение от конца процедуры, но и внутреннюю необъяснимую радость. Что-то покойное и светлое вошло в душу и сделало его существование осмысленным и понятным. Расписываясь в листочке с обязательством лично и без конвоя являться раз в неделю на конюшню номер три для профилактической порки, он уже знал, что не будет отлынивать и прятаться. Соменко, почувствовав настроение друга, участливо сообщил, что и он прошел через «радость» порки и пригласил Дыркина на воскресный обед:

– Гаврила Михеич, вы не будете так любезны отобедать со мной в воскресенье, после верховой прогулки?

– С удовольствием, Николай Петрович. Только вы не уточнили форму одежды…

– Об этом мы сможем договориться. Мы с вами еще увидимся здесь во время профилактики.

– До встречи, Николай Петрович. Передайте поклон супруге.

– С удовольствием. А вы сестрице и ее мужу. Мне очень жаль вашего свояка Федора Степановича Мымрина. В Гер-

мании нет наших хрюхрюпинских конюшен. Иначе он сейчас был бы свободен и счастлив. Пройдя профилактику, наши люди перестали воровать, пить и ругаться. Результат, я надеюсь, вы сами могли для себя отметить.

– Результат фантастический, – подтвердил Гаврила Михеич и, подумав, добавил: – Что ни говорите, а хорошие манеры – это часть комфорта…

«Хрюпа» вырулила из ворот конюшни и повернула к городу.

– Сколько конюшен построено в окрестностях? – спросил Гаврила Михеич у сотрудников отдела культуры.

– Десять. Они принимают горожан по профессиональному и социальному признаку. Нельзя же пороть банкира в одной конюшне с ассенизатором…

– Да, система профилактики создана с большим тактом, – согласился Гаврила Михеич Дыркин, потирая нижнюю часть спины.

– Раньше у нас как было? Назначат начальство, оно проворуется. Одного снимут, другой такой же. Решили вместо мэра компьютер поставить. Поставили. Машина японская, умная. В истории России покопалась и рецепт выдала. С тех пор как городом управляет компьютер, все стало на свои места. Наш Хрюхрюпинск заделался свободной культурной зоной, – гордо заметил один из парней.

– Пора опыт Хрюхрюпинска внедрить и другим, – добавил второй.

– Вот, бля, началась бы житуха! – искренне вырвалось у Дыркина, и под его кожей негромко щелкнул вшитый аппаратик.

– Десять очков, – сухо заметил сотрудник отдела культуры. Фургон въехал в город, включил свет фар и сбросил скорость…

Кохила-Жуковский, 1997

Чердак с видом на звезды
«Роман» из жизни животных

Глава 1. Знакомство с бедным поэтом и его неразделенной любовью

Отчего Судириус поселился на чердаке, у многих вызывало недоумение. Скажите на милость, почему бы не снять квартиру или, на худой конец, комнату внизу, в подпольном этаже? Денег у Судириуса не было. Не все ли равно, жить в долг в подполье или на чердаке? За квартиру Судириус не платил более полугода. Раньше он получал в кредит немного хлеба и крупы. Но в последнее время лавочники перестали доверять, и поэту приходилось туго. Судириус глубоко страдал от унизительного страха. Не от страха, присущего его народу: подлого, хитрого страха, когда при малейшем шорохе надо спрятаться, переждать, но потом все равно спереть то, что приглянулось. С этим страхом Судириус боролся с рождения и сильно в той борьбе преуспел. Жилье на чердаке отчасти тому доказательство. Сердце поэта сжималось от малейшего стука в дверь. Что может быть омерзительнее разговора с каким-нибудь сытым животным, будь то лавочник, бармен или просто домовой инспектор. Униженно просить,

объясняя положение временными неудачами, клянчить, наступая на собственное достоинство. Со страхом подобного рода Судириус поделать ничего не мог. От этого на свете для гордого сердца не придумано ни лекарств, ни средств. Но не глядя на то, что в подполье легче спрятаться от навязчивых кредиторов, Судириус оставался на чердаке. Поэт любил звезды. Любил смотреть на крыши, освещенные солнцем и луной. Не против был понаблюдать за кошками, любовные игры которых, как известно, происходят именно на крышах. Долго сидел, свесив голову, рассматривая, как внизу по кривым улочным тропам мечутся зверушки, занятые каждодневными заботами. Главная из которых – забота о хлебе насущном. Ради нее одни виды поедают других, кочуют, перелетают с места на место, меняя север на юг, и наоборот. Судириус любил свой город, и ему претило даже подумать, что из-за корки, которая в конце концов отличается не так сильно одна от другой, можно колесить по земле.

Судириуса радовала его чердачная обитель. В крошечной груди имело место и горделивое чувство, связанное с этой привязанностью. Поэта окружала не полированная мебель, а драный топчан и письменный стол на трех ножках, одно старинное кресло в стиле «мышпир» с попорченной обивкой было вполне сносным. Это – единственная вещь, которую Судириус таскал за собой с места на место всю жизнь. Дело в том, что кресло было предметом, сохранившимся с детства в доме поэта. Своего истинного дома Судириус не

знал, так как родился уже после. О доме Судириусу рассказывала старая тетка Сесилия. Она чудом уцелела после того, как крысы взяли в городе власть и заняли приличные дома других грызунов. Потом пришли хомяки. Власть хомяков длилась недолго. Хомяки мало что умели, главным их делом было класть за щеку запасы и сидеть, закрыв рот, чтобы запасы не растерять. Потом был кошачий переворот, потом собачье-кошачья война. Войну Судириус немного помнил, и еще три звериных региональных конфликта. Затем дожили до демократии. В городе стали избирать по животному от каждой породы для осуществления порядка. Все это Судириуса мало тревожило, так как для него лично ничего не менялось. Он писал стихи, не имея покровителей среди крупных хищников. Писал о вечных земных вещах, о чем всегда писали поэты, но его проблемы сильных влиятельных зверей не волновали. На Судириуса не обращали внимания. Любая другая мышь была бы довольна таким положением вещей. Когда не замечают, легче тащить в норку. Но Судириус – поэт! А какому поэту не хочется тронуть сердце соотечественников своим пламенным пером. Гордый Судириус не роптал и не терял чувства собственного равновесия до самого последнего времени… Раньше Судириус писал о любви скорее теоретически. Не подумайте, что ему не удалось познать физического влечения. Нравы у мышиного народа вольны. Это объясняется необходимостью каждый месяц приносить приплод для сохранения вида. Детская смертность, мышеловки,

всевозможные отравы в виде каш и удобрений делают свое черное дело. Но физическая близость в мышином народе коротка, происходит деловито и на сердечную деятельность отпечатка не накладывает. Эротических наслаждений мышиный народ не придумал, видимо, это и объясняет живучесть и многочисленность данной популяции.

Любовь, как и все неприятности, пришла к Судириусу неожиданно. Свой предмет он встретил бредя как-то утором по улицам и разглядывая витрины продовольственных магазинов. Полки магазинов ломились от всевозможных яств. Здесь и пшеничная дробленая мука, манка, перловка. Но в одной витрине Судириус увидел и остолбенел! Проглотил слюну, подошел вплотную к витрине. Обмана не было! За зеркальным стеклом, освещенный лучами первого солнца, красовался самый настоящий сыр. Можно было допустить, что лакомство создано руками умелых бутафоров из воска или папье-маше. Но Судириуса не проведешь. Нос мыши – орудие-мечта любого дегустатора. Судириус втянул воздух: настоящий! Со времен собачье-кошачьей войны впервые настоящий сыр. Судириус поднял голову и, затаив дыхание, прочитал вывеску «Буренка и К°». Демократия дает ощутимые плоды. Рядом с головкой сыра стоял маленький жетон, обозначающий цену продукта. Судириус покачал головой. Даже если его поэму и напечатают, а директор муниципального издательства – Барсук – делал такой намек… Правда, Судириус не понял, что он должен совершить. Если бы Су-

дириус был более опытным литератором, он бы сообразил, что Барсук намекал на часть гонорара. Но наивному Судириусу и в голову не пришло, что такое солидное животное может брать взятки. Еще Барсук добавил:

– Проскочить поэмка имеет шанс, если запоздает бык-международник с материалом о жизни тропических антилоп. – И только потом намекнул.

Судириус не понял намека. И теперь, стоя перед витриной, думал, что если даже бык и запоздает с антилопоописанием, даже если поэма и проскочит, он едва ли с гонорара сможет себе позволить кусочек сыра. Цена велика. Но факт появления сыра в городе Судириуса как патриота радовал. Хотел поэт отойти от витрины, но тут из магазина легкой походкой выскочила очаровательная белая мышка. Такой красоты Судириусу еще видеть не приходилось. Он даже забыл о сыре. Мышка, как и подобает представительнице прекрасного подпола, тряслась от страха. Судириус вызвался проводить. Он был в ударе. Мышка даже несколько раз хихикнула тонким голоском на его каламбуры. О, какой это был прекрасный писк. Он до сих пор в ушах и сердце бедного поэта.

Они познакомились. Мышку звали Хвостаной. Перед расставанием Судириус набрался смелости и пригласил Хвостану в гости.

– Мы будем смотреть на звезды, я буду читать тебе свои стихи, – говорил он в экстазе.

Хвостана еще раз хихикнула прекрасным писком и, поду-

майте, согласилась.

Сегодня день встречи. Судириус с утра не находил себе места. Он несколько раз подметал пол. Мочил веник в унитазе, брызгал водой и мел во все стороны. Унитазом Судириус втайне гордился. Это его единственное удобство совпадало с убежденностью поэта, что для интеллигентного животного унитаз – первая необходимость. Остальных удобств поэт был лишен. Но не горевал, так как унитаз был снабжен бачком, всегда наполненным свежайшей проточной водой.

Перед встречей Судириус надел свой залатанный красный жилет. Он садился в кресло, положив лапку на лапку, ненадолго зажигал свечу. Свеча была последняя, и он боялся, что она прогорит до прихода возлюбленной. Репетируя прием, он закатывал глаза и читал только что написанный стих:

> Меня твой хвост волнует тонкий, шерстинки мягкие усов
> И белых острота зубов, и бисер глаз, как иглы колких…

Поэт решил вставить это стихотворение в начало поэмы, посвятив ее Хвостане. Затем Судириус смотрелся в зеркало, вернее, в осколок, но рост поэта не был чрезмерным, и он видел себя целиком. Еще и еще раз осматривая свою чердачную обитель и не без основания, пришел к выводу, что она хоть бедна, но романтична. Рваная тряпочка колыхалась на окне и вполне могла сойти за занавеску. А гордость поэта, подарок живописца-кролика – натюрморт с овощами –

украшал стену и был хорош еще и тем, что предметы, изображенные кроликом, не являлись лакомством для мышей и не усугубляли чувство голода.

Хвостана пришла вовремя. Часы Судириус давно заложил в ломбард, но время знал точно по часам «Башне хищников». Их было и видно, и слышно. Не успело пробить полночь, как Хвостана была на чердаке. Она огляделась. Цепкий взгляд мышки зацепил все. Зверюшка поняла: она в гостях у отнюдь не преуспевающего деятеля литературы, а у наивного мечтателя и нищего рыцаря пера. Закончив осмотр жилья, Хвостана высокомерно удивилась обстановке поэта.

– Не думала, что поэтам так платят, даже телевизор купить не на что.

Судириус хотел рассказать Хвостане, что имел старый телевизор, подарок ежа. Тот завел цветной, но чтоб не выбрасывать старый, отдал его Судириусу. Однако панель телевизора была сделана из такой вкусной древесины, что поэт изгрыз его.

Свидание прошло совсем не так, как планировал Судириус. Хвостана брезгливо отодвинулась от старинного кресла с рваной обивкой, не пожелав пачкать в нем свою белоснежную шубку и сообщила Судириусу, что она из обеспеченной семьи. Отец ее, хотя и не поэт, а всего заведующий складом, но зарабатывает прекрасно. Сало в доме никогда не переводится. Мебель такая, как подобает. Судириус несколько растерялся от реализма в мышлении возлюбленной. А дело при-

нимало совсем дурной оборот. Любовь вместе со стихами Хвостана отвергла, заметив, что помимо стихов и романтических устремлений надо прилично жить. А что может предложить молодой красивой мышке поэт-голодранец? Это все Судириус ради любви мог и вытерпеть, но когда Хвостана сказала, что теперь любое животное может писать, при этом еще работать и тащить в дом, тут его нежное сердце не выдержало.

– Ты не понимаешь меня, Хвостана! Я – поэт. – воскликнул он.

На Хвостану высокопарные слова впечатления не произвели.

– Ты жалкий трус, от страха забрался на чердак и разглагольствуешь о высоких вещах. Мы – мыши – трусливы, за это тебя винить не собираюсь. Но ты не такой трус, каким должен быть порядочный мыш! Бояться, но тащить. Вот в чем призвание настоящего мышиного мужчины!

– Ерунда! – кричал Судириус. – Мы, мыши, вбили это себе в голову. Мы не хуже других! А я – поэт! Я не желаю таскать! Поэт должен возвышать современников! Он может выйти на безрассудный бой с котом. Пасть в битве, но остаться поэтом.

Судириус говорил уже самому себе, так как Хвостана покинула его даже не простившись. Многое еще хотел бы сказать ей Судириус. Он сказал бы Хвостане, что сидеть на складе, а после работы писать стихи невозможно. О чем напи-

шешь, сидя на крупе!? Но мышка ушла, а бедный влюбленный остался один, вместе со своим неразделенным чувством. Судириус долго ворочался на топчане. Сон не шел. Задремал под утро. Снилась Хвостана. Потом витрина с сыром. Сыр становился прозрачным, в нем опять появилась Хвостана. Она стучалась в прозрачные стенки сыра, просила о помощи. Стук становился сильнее. Судириус проснулся от громкого удара в дверь. Кредиторы, пронеслось в мозгу. Не буду открывать. Нет сил больше объясняться. О, великий бог всего живого! Зачем на маленькую мышь обрушивать столько несчастий?!

Глава 2, где происходят события, о которых Судириус не имеет ни малейшего представления

Оставим на время бедного поэта. Хотя это и не слишком по-дружески с нашей стороны. Читатель извинит нас, когда поймет, что данное отступление необходимо для дальнейшего повествования. К тому же автор не Бог, он может описать факт, но не изменить его. Поэтому от автора Судириусу ждать помощи не приходится… В ту ночь, когда Судириус страдал бессонницей на своем топчане по причине неразделенного любовного томления, другое животное ворочалось без сна на мягчайшей пуховой перине. Спальня Хомяка могла вызвать зависть не только богатого грызуна. Звери и покрупнее долго стремятся к подобному спальному комфорту.

Изголовье постели, украшенное страусовыми перьями, тонуло в мягком свете ночника. Гранями света играл в полумраке хрусталь бокала, наполненного минеральной водой. Заморские снотворные и жвачные таблетки в чудных упаковках заняли место рядом на мраморном ночном столике. Но Хомяк не спал. Снотворные не помогали. Хомяк приподнялся, нащупал лапками коробочку с кнопками. Вспыхнул экран видеомагнитофона. Тонкая вертлявая крыса, выкрашенная в голубой цвет, затряслась в такт эротической мелодии. Хомяка зрелище не успокоило. Он лениво подумал: мужик крыса или баба?.. Затем сердце снова наполнилось тревогой. Тревожный страх, мучивший Хомяка, знаком всем работникам торговли. Хомяк много лет заведовал городским бакалейным магазином. Пока все шло более или менее гладко, но тревога не проходила. Наоборот, с каждым днем удачливый завмаг испытывал все большее беспокойство. Шанс неприятностей возрастал. Сегодня к этому обычному состоянию добавилось новое, более острое. Люди это называют предчувствием. У животных данный феномен развит значительно сильнее. Хомяк мысленно восстанавливал в памяти события сегодняшнего дня. Утром он съездил в бассейн. Полчаса поплавал. Затем заскочил к самочкам. Расслабился. Вышел гордый и довольный собой. Увеличение поголовья хомяков он считал своим гражданским долгом и приятной общественной нагрузкой. Хорошо и плотно позавтракал в кооперативном кафе «Мертвая хватка» у пожилого английско-

го бульдога Буля. Потрепался с хозяином. Поругали правительство за налоги и другие зверства. Помянули, как хорошо было раньше. Буль – ветеран собачье-кошачьей войны – к новой демократической системе относился дурно. К концу беседы он сильно разлаялся. Хомяк поспешил расплатиться.

На экране продолжала паясничать крыса. Видеоклип закончился тем, что крысу заглотил удав. Хомяк вздрогнул. Зрелище перебило мысли и расстроило его. Подумалось: черт знает до чего дошли звери, создают себе острые ощущения! Их бы на мое место, за прилавок. Там острые ощущения каждый день…

Хомяк выключил видеомагнитофон. Итак, позавтракал… попробовал он восстановить ход мысли. Потом, что было потом?.. Конечно, потом он зашел на работу. Там, как всегда, продавцы продавали, а покупатели покупали. Была какая-то мелочь. Но Хомяк эту мелочь никак не мог обострить в памяти. Он с трудом прошел через торговый зал, распихивая недовольных животных. Животных было гораздо больше, чем в обычный день. Зверюшки грызлись, отпихивая друг друга от прилавка. Кто посильнее, зубами и когтями очищал себе путь. Хомяк тогда подумал: «слава Богу, что у меня бакалейный магазин и сюда не ходят хищники. А будь здесь мясной отдел»!

Он все вспомнил: в магазине создалась очередь потому, что привезли гречку. Половина гречки была левой, а он оставил кассу в магазине. Если утром ревизия, а касса

вдвое больше, чем положено по накладной… Шерстка хомяка встала дыбом, под ложечкой неприятно защемило. Он стал нервно одеваться. Последнее время в моде носить шкуры более крупных животных, и Хомяк запутался в штанинах. Чтобы успокоиться, плеснул себе в морду бокал с минеральной. Заполнил бокал более крепким напитком, залпом проглотил и выбежал из своей удобной пятикомнатной норки, забыв даже поставить ее на сигнализацию. О такси не могло быть и речи. В ночь горожане, боясь крупных хищников, на работу не выходили. Но что хищник против ревизии! Хомяк несся как угорелый. Он даже забыл о том, что общество хомяков постановило передвигаться только на задних лапах из чувства собственного достоинства. Хомяк жил недалеко от работы. В считанные минуты он был на месте. В магазине заведующему открылась страшная картина: толпы мышей растаскивали крупы по своим норкам. Касса взломана, а сторожа, кота Васьки Блохина, нигде не было. Трясущейся лапкой Хомяк набрал номер телефона. Легавые появились на месте через несколько минут. Но Хомяку эти минуты показались вечностью. Мыши попрятались, и он один в хаосе разграбленного магазина мысленно ругал себя за жадность. Жадность Хомяка заключалась в том, что на маленькую ставку он взял ночным сторожем рыжего кота. Расчет был несложен. Кошки не едят крупу и терпеть не могут мышей. След Васьки Блохина еще не простыл, поэтому легавые легко его взяли. Как водится, легавые тихо гнать не могут, а

рычат, лают, поднимая большой шум. Хомяк остался в магазине с двойственным чувством: если легавые вернут выручку, там окажется больше, чем надо, если упустят, он потеряет крупную сумму.

Но оставим Хомяка с этими невеселыми мыслями и с полным основанием вернемся назад к нашему герою.

Глава 3, в которой открываются новые способности Судириуса

Стук в дверь становился все громче. Судириус на цыпочках приблизился и, стоя перед дверью, пропищал дрожащим голосом:

– Кто там?

И в ужасе услышал кошачий голос:

– Откройте! Спасите меня-я-я!

Судириус стал лепетать о том, что непременно заплатит за квартиру. Скоро у него выйдет поэма.

– Причем тут квартира!? – истошно вопил кот за дверью. – Откройте. Мне грозит опасность…

Вдалеке послышался собачий лай. Судириус после некоторого раздумья открыл замок, оставив дверь на цепочке. В щель моментально всунулась голова драного рыжего кота Васьки Блохина в клетчатой кепке и его лапа с чемоданчиком. Судириус в один момент очутился под письменным столом.

– Что вам от меня надо?! Я тощий худой поэт… Если вы меня скушаете, то даже не почувствуете!

Васька Блохин как можно спокойнее пытался объяснить, что такую гадость, как мыши, он отроду не ел. За ним гонятся легавые, он нуждается в убежище. Судириус задумался: «пустишь – сожрет». Лай собак становился все громче. – «Сожрет». А у Судириуса столько творческих планов. Он еще не успел закончить проблемную статью в газету «Мышиная возня». Наконец, не дожить до выхода в свет собственной поэмы…

– Пусти, как зверя прошу, – взмолился Васька Блохин.

В голосе его почувствовалась безнадежность. Эта интонация подействовала на Судириуса. Отказать в гостеприимстве в тяжелую минуту даже коту!? Поэт так поступить не может. Будь что будет. Судириус выбрался из-под стола и перед тем, как снять цепочку, все же спросил:

– А как вы сможете доказать, что не станете меня трогать?

На что Блохин резонно заметил, если он сожрет мыша, кто же скажет легавым, что кота здесь нет? И добавил:

– Клянусь шкурой матери, не сожру!

Судириус впустил кота. Тот захлопнул дверь и, прижавшись к стене, выгнул спину. Легавые были уже рядом. Судириус снова очутился под столом. Поэта бил озноб. Легавые постучали. Судириус пискнул, что никакого кота у него нет. Легавые подумали: «Не мог же кот спрятаться у мыша и не проглотить его…»

Лай собак удалялся. Васька быстро успокоился. Начал умываться и приводить себя в порядок, как делают все кошки в мире. Судириус продолжал дрожать под столом.

Васька Блохин в своем роде был личностью незаурядной. Умел нравиться, умильно щурить желтые глаза и мурлыкать под гитару. Бездомным он оставался по собственному желанию из-за любви к свободе. Несколько раз старые девы пытались оставить Василия под своим кровом для услады старости и разбавления одиночества. Ему сулили меню из филейных частей хека, и свежего фарша. Но каждый раз Васька сбегал. В сущности Блохин представлял собой нахального и веселого уголовника, какие часто вызывают симпатии в человеческих романах и фильмах. Воровал Васька между делом. Главным его призванием была страсть к прекрасному полу. Ваську за это трудно упрекать, поскольку весь род его создан для любви. Блохин не признавал сытых домашних цац. Считал их высокомерными, глупыми и ленивыми в страсти. Осторожно ходят по крышам, боясь кувыркнуться. Комплименты слушают в пол-уха. По душе Ваське Блохину подзаборные товарки. Те платили Василию взаимностью, не смущаясь родом его занятий, и любили самозабвенно. В жизни Ваське фартило далеко не всегда. Его нередко лупили, он страшно орал, вращал глазищами, но призванию не изменял. Продолжал воровать и бегать за кошками. Васька иногда устраивался на работу, но долго на одном месте никогда не задерживался. Часто для этого находились и объек-

тивные причины. Как и в этот раз. В магазине бакалейных изделий в обязанность Блохина входило ночное дежурство и охрана круп от мышей. К мышам Васька питал врожденное отвращение и даже в самые тяжелые моменты биографии в пищу не употреблял. Мышам в магазине Васька сразу заявил, что если они станут жрать крупу во всякое другое время, он против ничего не имеет. Но упаси Бог, в его дежурство. Тут Васька наобещал грызунам таких ужасов, от которых те сразу притихли и строго соблюдали договор. Все шло нормально до тех пор, пока Хомяк не оставил выручку в кассе. Блохин проведал об этом; возможно, мышки подсказали, а возможно, у него были свои каналы для подобной информации.

Вот так, случай или судьба, называйте это как хотите, свели вместе два вида животных не только разной породы (у людей национальные различия), но и старинных врагов. Судириус немного успокоился. Блохин протянул Судириусу свою страшную когтистую лапу на этот раз не с целью разодрать мыша в клочья, а поздороваться. Судириус тоже подал из-под стола трясущуюся лапку. Знакомство состоялось. Васька с удовольствием развалился в фамильном кресле Судириуса. Закурил папироску «Смерть таракана» и огляделся. Чердачок ему понравился. Сюда бы Мурку, видик с караоки… Надо заметить, чтобы не путать любимых, Васька всех кошек звал Мурками. Разговор двух животных принял светский характер…

Судириус спросил:

– Вы всегда берете чужое?

На что Васька ответил:

– Беру, поскольку сами не отдают. Да и беру, что плохо лежит. А раз лежит плохо, значит никому не нужно…

– И родители ваши тоже по этой линии? – осторожно поинтересовался Судириус.

Васька рассказал: кота-отца он и в глаза не видел, а вспомнив про маму, вдруг уронил слезу и ударил себя лапкой в грудь.

– Моя старая кошка-мать!.. Нас у нее было пятеро. Четверых сразу утопили. Хотели и меня… Но я выплыл. Моя дорогая мамочка мне последнее молоко отдавала. Ей нальют, а она – мне. Растила меня – подонка, жлоба, проходимца! Думала в настоящего зверя вырастить.

К старой кошке Блохин относился с сентиментальной нежностью, присущей многим уголовникам. Он даже изредка писал ей письма, где умалчивал о своей деятельности, прикидывался гастрольным артистом. Все это Блохин поведал Судириусу, чем сильно поэта умилил и растрогал. Судириус в свою очередь поделился с Васькой своими трудностями, главной из которых оставалась задолженность за квартиру.

– Не плачь, мышонок, – заулыбался Блохин. – Мы теперь с тобой животные состоятельные.

При этом уголовник гордо открыл чемодан с выручкой

Хомяка. Судириус, увидев такую кучу денег, сперва обомлел. Потом с дрожью в голосе твердо заявил:

– Уважаемый Василий, если хотите остаться здесь, должны ворованные деньги немедленно вернуть!

Ваську такие слова сильно озадачили. Он, рискуя собственной шкурой, добыл целое состояние, а этот нищий писака говорит «вернуть». Васька даже хотел проучить наглого мышонка, но, вспомнив, что тот его спаситель, успокоился.

– Как же я верну? Меня тут же за шиворот и на живодерню.

– Деньги могу отнести я сам, – предложил Судириус. – Чтобы вас не подвести, скажу, что нашел на лестнице.

Васька нехотя согласился. Судириус велел запереть за собой дверь и никому не открывать. Бакалейный магазин Хомяка Судириус хорошо знал. Более того, он был должником завмага, поэтому с легким сердцем отправился возвращать выручку. Судириус не ведал, что беды Хомяка не закончились взломом кассы. Грабеж навел на магазин ревизию, и самые худшие предчувствия грызуна оправдались. Раскрылись махинации завмага, и тот был отправлен в зоопарк особого режима на длительный срок. Представители власти посоветовали сдать выручку в банк, что Судириус и сделал. За находку он получил вознаграждение в виде процента. Этого хватило, чтобы погасить задолженность за квартиру и еще за два месяца вперед. Совершив все перечисленные подвиги, Судириус брел по бульвару. Внимание его привлекла

афишная тумба, на которую знакомый Еж наклеивал портрет Васьки Блохина. Под портретом стояла зловещая надпись: «Разыскивается опасный преступник. Сообщивший о месте нахождения оного будет вознагражден». Далее указывалась сумма вознаграждения. К чести Судириуса заметим, что даже на долю секунды им не овладел соблазн такого заработка. Но радость оплаченного жилья сменилась раздумьями, что же делать дальше.

Блохин тем временем отыскал на чердаке поэта растрескавшуюся гитару и запел песню: «Как пятерых родила под забором больная кошка, его значит мать… Их утопили, а он вырос вором, пошел по свету грабить, убивать…» Пустив слезу по поводу сюжета песни, Блохин свернулся клубком и моментально уснул. Уснул крепко и без сновидений. В этом состоянии и застал кота Судириус. Поэт уже немного попривык к странности своего нового положения. Более того, в мозгу мыша зародился смелый план, о котором читатель узнает из дальнейшего повествования. Судириус, как многие наделенные от природы способностями и благородством звери, мало что мог выдумать для собственной выгоды. Но когда дело касалось интересов другого, тут он становился изобретательным и гораздым на выдумки. Поэт теперь относил Блохина к своим друзьям и считал себя должным оказать ему в силу обстоятельств покровительство и защиту. На улицу кота выпустить нельзя. По развешанным портретам того узнают и засадят за решетку. Судириусу очень хо-

телось, чтобы возлюбленная его, Хвостана, видела его, бесстрашно беседующего с котом. Но поведать о своем геройстве Судириус никому не мог, чтобы не подвести Блохина. Для осуществления замысла одного Васьки было мало. Как минимум надо добыть еще двух котов. Задача для маленького мыша не из простых. Но Судириус смело приступил к ее осуществлению, отправившись для этого в кабачок «Мертвая хватка».

Глава 4, где читателя ждет много новых встреч и событий

Режим работы кабачка «Мертвая хватка» выстраивался не только по соображениям коммерческим, но и исходя из привычек хозяина – пожилого бульдога Буля. Как все пожилые животные, Буль просыпался рано, оттого ему не стоило труда или личных неудобств открывать для посетителей свое заведение раньше других. Буль дорого, но сытно кормил и клиента имел солидного. Тут бывали зажиточные животные, загулявшие до утра. Буль мог позволить и опохмелить клиента за свой счет. Поскольку в первую половину дня в городе подавать горячительные напитки воспрещалось, Буль угощал из собственного буфета и платы не брал. В молодости Буль служил бойцовым бульдогом. Его уважали и при хомяках, и при крысах. Да и теперь, в период демократического правления, у него было немало покровителей и друзей. Когда

демократы разрешили открывать семейные кабачки, Булю предложили это сделать первому. Хотя семейным кабачок Буля назвать трудно, так как единственным членом семьи являлся он сам. Но надо отдать должное псу, он не из тех, кто собирает объедки на помойках, а потом, полив соусом, кормит ими клиентов. А таких заведений в городе немало. Все вместе взятое составило кабачку «Мертвая хватка» приличное положение и заслуженную популярность. Днем бульдог любил подремать. В дневные часы кабачок закрывался на длительный перерыв. Но к заходу солнца Буль в полной форме встречал вечерних гостей. Бульдог был старомоден в своих взглядах на досуг. Видеотехники не признавал. Современная музыка, которую своим воем ввели в моду шакалы, у Буля вызывала отвращение. Он держал аккордеониста Брыся. Кошек Буль терпеть не мог. Но Брысь помнил старинные танго и фокстроты и с чувством исполнял «Марш бульдогов» – любимое вокальное произведение хозяина. За это его держали в «Мертвой хватке».

Оформление кабачка хозяин поручил художнику старой школы, из породы волкодавов. Стены были украшены знаменами, охотничьими рогами. Светильники выполнены в виде обглоданных костей. Везде присутствовал старый добрый воинственный дух.

Основную кассу заведение Буля делало до обеда. Но Буль, как всякий сильный зверь, имел и маленькую слабость – любил знаменитостей. Артисты, писатели, поэты пользовались

его благосклонностью. Он млел в их обществе, даже входя в убыток, не мог отказать себе в подобном удовольствии. В «сучности», он был добрым псом.

Сегодня зверья в «Мертвой хватке» собралось мало. За одним столиком сидел писатель Бобер Меховский, с ним Сиамский Трагик – тощий пьяный кот, выдающий себя за сиамского. Трагика украшал драный зеленый бант. Перед ним вместительная бутылка «Валерьяка» и рюмка. Меховский, будучи непьющим животным, с брезгливым отвращением наблюдал, как напивается его визави. Сиамский Трагик к моменту нашей встречи был уже под сильным градусом. Трагик просил Меховского оказать ему протекцию в театре. Директор театра, Носорог, был знаком Бобру Меховскому.

– Что вам стоит, – канючил кот. – Попросите Носорога взять меня хоть на эпизодические роли.

Меховский брезгливо слушал пьяные просьбы.

– Вы же знаете, я помогаю только талантливым животным! Вы – спившееся ничтожество. Почему я должен пачкать свою безупречную репутацию подобной просьбой?

Трагик обижался, бил себя в грудь. Вспоминал, какие Львиные роли ему доводилось играть в молодости. Решив, что одних воспоминаний недостаточно, он залез на стол и стал декламировать монолог Льва из трагедии Сусликова «Хищники»:

К царю зверей, со взятками, ты, хам!

Принес мне фрукты, простоквашу! Я взяточников бью!

Не пью я простоквашу. Я кровь горячую за завтраком люблю!

С трудом вернулся на место, выпил рюмку и замер, скосив глаза. Меховский не слушал Трагика. В кабачке появилась Кошка Легкого Поведения в манто из мышиных шкур. Меховский двинулся ей навстречу. Кошка игривой походкой подошла к дремавшему за стойкой Булю и пощекотала ему пузо.

– Это ты, шельма! – Проснулся Буль. – Тебе все прощаю, в другую давно бы вцепился мертвой хваткой…

Кошка Легкого Поведения, наклонившись к самому уху бульдога, шепнула:

– Молчал бы, старый кобель. О какой мертвой хватке ты мелешь, имея вставную челюсть.

Буль хлопнул Кошку пониже хвоста и заметно оживился. Сиамский Трагик громко сообщил всем, что был первым героем-любовником. Кошка и эту реплику не оставила без ответа, напомнив Трагику, что он еще не успел познать блаженства любовных игр, так как был кастрирован. Меховский, молча наблюдавший за Кошкой, громко спросил Буля:

– Ты, Буль, старый плут, где раньше прятал такую очаровательную киску. Не так ты прост, как стараешься казаться.

Довольный всеобщим вниманием, бульдог весело зарычал.

– Эта дрянь предпочитает тропических скотов нашему брату. У меня появляется редко. Считает, с вашей богемы

много не вытянешь. Хитра, стерва!

Сказав столько слов Буль, утомился и присел за стойкой, высунув язык, но увидев спящего аккордеониста, стукнул лапой по стойке:

– Спишь, бездельник! Гости желают танцевать!..

Брысь проснулся и заиграл медленный вальс. Меховский пригласил Кошку на танец.

– Ты напрасно считаешь всех нас голодранцами. Преуспевающий литератор может поухаживать не хуже заморского жирафа.

Супружеская лисья пара демонстративно покинула кабачок.

– Нам говорили, что здесь приличное заведение…

– Глядите на них! – залаял Буль. – Им здесь неприлично!? Обхитрить некого, вот в чем причина…

Гости захохотали. Два деловых кабана за столиком в углу от смеха опрокинули свой столик со всем содержимым, но, закончив смеяться, быстро подъели с пола. Кошка Легкого Поведения, продолжая вальсировать с Меховским, заметила литератору, что если он хочет вскружить ей голову, то это – дорогое удовольствие. Бобер совершенно растаял и подумал, как кстати жена укатила лечиться на Болотные воды. Брысь продолжал медленный вальс. Кошка, оставив бобра, вспрыгнула на эстраду и тихо замяукала.

– Мур, мур, мур… Ах, как кружатся крыши… Мур, мур, мур, мы уже еле дышим. Я в любви хороша, как поет вся

душа… Не упасть бы нам с крыши.

В углу из дыры в карнизе высунулся Судириус.

– О-о-о! Здесь писатель Меховский. Он такой известный. Сколько раз с голода я начинал грызть его роман «Плотина». Единственную книгу в моей библиотеке. Но даже в самые тяжелые минуты не тронул ни странички.

Но Судириус пришел в кабачок не для того, чтобы любоваться бобром. Ему нужен Брысь и Сиамский Трагик. Судириус увидел обоих и подумал, что это хороший знак. Раньше именно из-за них он избегал появляться в кабачке Буля. Как все в жизни относительно. Вчера прятался от котов, сегодня надо искать встречи с ними.

Брысь кончил играть вальс и хотел было сделать паузу и немного подремать, но Буль не допустил.

– Теперь спой мою любимую… Нечего только лапами махать, можно за вечер и рот один раз раскрыть…

Брысь сделал проигрыш, встал, так как петь «Марш Бульдогов» сидя в кабачке воспрещалось. Нехотя встали и посетители. Брысь запел:

Вот идут бульдоги, челюсти стучат.

Мускулисты ноги, хвостики торчат.

Кошки без оглядки прячутся в овраг.

Знает, с мертвой хваткой шутки плохи, враг.

Припев требовал повторения на более высокой ноте. Брысь с этой задачей не справился и вместо высокой ноты разразился хриплым кашлем. Такое обращение с любимым

произведением привело Буля в бешенство.

– Сукин сын! – заорал хозяин. – Последний голосишко пропил. За что я тебя кормлю!?

Брысь был оскорблен в присутствии публики. Но самым несправедливым показалось ему обращение «сукин сын». И если упоминание о паршивости его голоса певец мог и стерпеть, то подобную несправедливость оставить без ответа не смог:

– Почему вы меня оскорбляете «сыном суки»? Это вы ее сын, некоторым образом…

Чаша терпения хозяина переполнилась, и со словами «еще огрызаться, мошенник», Буль схватил Брыся за шиворот и вытолкнул за дверь.

Кошка Легкого Поведения уселась на колени Меховскому:

– Буль так расстроен… Закажи мне шампанского.

Сидевший все это время молча Сиамский Трагик открыл глаза и, увидев Кошку на коленях литератора, громко заявил:

– Продажная шлюха!

За эти слова Трагик был также выдворен из кабачка, но по дороге артист прихватил бутылку, за которую великодушно расплатился Меховский, сказав:

– Не браните его, Буль. Кот действительно когда-то был неплохим героем-любовником…

Своим поступком Меховский добился комплимента от

Кошки Легкого Поведения, которая назвала его щедрым животным. Судириус, наблюдавший все события в кабачке из своего укрытия, исчез вслед за Сиамским Трагиком.

Наш поэт нагнал Брыся и Трагика, когда те, обнявшись и потягивая из бутылки, брели по переулку. Коты ругали Буля словами, которые трудно перевести на человеческий язык. Потом облизывали друг друга. Каждый превозносил талант собутыльника. Судириус держался на почтительном расстоянии, не выпуская из виду котов. Когда бутылка опустела, Трагик, долизав последние капли, разбил ее о стену. Из окон высунулись разбуженные животные. Коты, поняв, что им могут наломать кости, припустили. Но ноги у них заплетались, и Судириус без труда сохранил необходимую для наблюдения дистанцию. Коты хотели выпить еще. Для этой цели стучали в двери своих знакомых. Но везде получали отказ. А в одном месте им пришлось катиться кубарем с лестницы. Коты забились в подвал, заваленный пустыми коробками. Дальше идти им было некуда. Тогда Сиамский Трагик забрался на пустой ящик и, икнув, проговорил:

– Мы с тобой выше этой собачьей толпы. За это нас гонят! Превосходство наше скоты не прощают! Когда я играл первого зверя-любовника, мне сливки – в постель… А теперь им подавай психологического актера! Пафос в высоком зверином смысле… Дай я тебя оближу, друг мой однопородный!

Брысь тем временем успел задремать. Трагик слез с ящика и, далеко высунув язык, пытался лизнуть спящего Бры-

ся. Брысь проснулся, страшно заорал. Трагик успокоил Брыся, потом Брысь успокоил Трагика. Судириус, наблюдая эту сцену, подумал, что, хотя он совершенно чужд теориям превосходства одного вида над другим, все же благодарен природе, что создан мышью. Мыши не потребляли спиртного и, несмотря на множество отрицательных черт, не могли вызвать подобного омерзения. А коты, между тем, пришли к идее самоубийства. Идея принадлежала Трагику. Она родилась в конце очередного монолога, часть из которого автору хочется здесь привести:

– Брысь! Нам незачем жить в этот жалкий век! Посмотри во что превратились кошки! Лижутся с бульдогами! Вешаются на шею бобрам! Где чистая невинная кошка!? Я вас спрашиваю!

Тут Трагик не удержался и упал с ящика, но нашел в себе силы снова залезть на него. Судириусу это понравилось. Он отметил, что пьяный кот не совсем потерял ловкость, присущую его породе. Для замысла Судириуса это имело особый смысл. А Трагик продолжал вопрошать:

– Где чистота звериных отношений!? Где высокая звериная мораль!?

Трагик требовал ответа у Брыся, с силой потрясая его.

– Все пошло собакам под хвост… – ответил Брысь и хотел опять задремать, но Сиамский Трагик не дал ему такой возможности. Он ударил Брыся по плечу и предложил:

– Давай покончим жизнь самоубийством в знак протеста!

Покончим в одной петле! Это будет шекспировский конец!

Брысю идея самоубийства мало улыбалась, но чтобы не огорчать собрата по несчастью, заметил:

– Для повешения нужно иметь веревку…

Сиамский Трагик щедро предложил для этой цели свой зеленый бант с тем, чтобы Брысь повесился первым, а он после. Брысь был уже согласен на все, только желал перед смертью откушать живую рыбку. Живая рыбка много лет являлась самым вожделенным лакомством кота. Спор насчет условий самоубийства становился все жарче. Судириус решил: настало время действовать. Не вылезая из-под ящика, на котором сидел Сиамский Трагик, мышъ сказал котам, что не видит нужды в их трагическом конце, а может предложить кое-что получше. Заявление мыша само по себе вызвало у наших котов живой отклик. Если на выпивку им рассчитывать уже не приходилось, то закуска сама шла в лапы. Но голос они слышали, а самого мыша не видели. Коты стали водить носами, но алкоголь давно отбил у них чутье… Судириус между тем продолжал:

– Если вы поклянетесь шкурами своих матерей, что не станете меня трогать, я спасу вас.

Сиамский Трагик икнул и переспросил, чьей шкурой надо клясться? Судириус повторил. Брысь задумался. Его бедная мама умерла несколько лет назад, а потом удалось выяснить, что она не была его мамой. Сиамский Трагик вспомнил облезлую шкурку матушки и для себя решил, что такой шку-

рой не грех и рискнуть. Коты согласились на условия Судириуса, и тот предстал перед ними.

– Мыши! – воскликнул Сиамский Трагик. – Целых три мыши!

Брысь тоже увидел три мыши. Коты подсчитали и решили, что три и три – это шесть. Каждому по три мыши. Можно ради такого дела смело приступить к нарушению клятвы…

Судириус снова спрятался под ящик и возмущенно заявил котам:

– Вы дали клятву!

– Оттого, что мы съедим шесть мышек, – заявили коты, – шкуры наших уважаемых матерей не только не полиняют, а наоборот, станут лосниться от гордости за сыновей!

Судириус разъяснил котам, что если те даже его поймают и съедят, то завтра все равно сдохнут с голоду.

– И потом меня не шесть. У вас троится в глазах… Я – один тощий поэт.

– Один! – удивились коты.

– Да, я один. Если вы согласитесь на мое предложение, я обещаю каждый день кормить вас живой рыбой.

Брысь был в восторге от предложения, но Сиамский Трагик, встав в позу, возразил, что его не настолько волнует живая рыба, чтобы служить поганому мышу… Но и с Трагиком Судириус договорился довольно легко, пообещав ему ежедневную порцию «Валерьяка» и вновь предстал перед котами. На этот раз они вели себя благоразумно. Разговор при-

нял деловой характер. Коты выяснили, что мышъ не живет в норке, а занимает чердак. Судириус сразу вырос в их глазах. Пригласив котов к себе, Судириус направился вперед. Коты последовали за ним, но на всякий случай приподняли пустой ящик и убедились, что мышей там действительно больше нет…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.